

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина

Элита вчера и сегодня.

Элита в любом обществе существует всегда. Но это понятие к белорусской интеллигенции 1950–1970-х гг. (а именно об этом времени я собираюсь писать) фактически неприменимо. Слово «элита» в тот период звучало совсем нечасто, разве что применительно к сельскому хозяйству – «элитные сорта», «элитные семена».

В наше время самозванные элиты – политическая, финансовая, масс-медийная – не просто ощущают, а подчеркнута демонстрируют свою оторванность от народа, свою избранность, исключительность, парение над жалким, ничтожным, с их точки зрения, плебсом.

Иначе было при социализме. В ходу был термин «советская интеллигенция», которой хотя и определили место прослойки между рабочим классом и крестьянством, но все же считали народной. И интеллигенция в самом деле стремилась быть неотъемлемой частью народа, желала как можно более орга-нично влиться в него. «Народный режиссер», – сказала народная артистка СССР Клара Лучко в своей книге об Иване Пырьеве, хотя официального такого звания для режиссеров не существовало.

Или взять белорусских писателей. Выходцы в основном из крестьян, они ни в коем разе не считали себя отдельной, возвышенной над общей народной массой, кастой. Мой отец Иван Шамякин неоднократно напоминал, искренне сам в это веря, что основа общества – те, кто кормит себя и других. В любом случае крестьяне – главные. Они – становой хребет державы. И самое важное для писателя – собою этот становой хребет укреплять, иначе говоря, помогать кормильцам в их нелегком труде словом. Исключительно любовным, внимательным, бережным было отношение Шамякина и его коллег к простым труженикам. Это отношение видно по их произведениям – и в смысле их героев, и в смысле адресатов, к кому обращались.

А я вспоминаю многие факты непосредственного общения отца, его друзей с крестьянством, например, на родине моей мамы, в деревне Терюха, что под Гомелем, куда мы в течение более двадцати лет ездили каждое лето и куда часто приезжали гостить коллеги Ивана Петровича. Все там знали, что Шамякин любит беседовать с сельчанами и им помогать, потому не было вечера, когда бы они к нам не приходили – просто поговорить, излить душу, рассказать о своих проблемах, высказать просьбу; иногда под предлогом продажи рыбы, выловленной в Соже.

Невозможно, даже страшно себе вообразить, чтобы представители советской интеллигенции называли народ быдлом, стадом баранов, диким охлосом, как это происходит сейчас, – нередко звучит в российских СМИ, особенно по теле-визору, возникает в интернете. До Великой Октябрьской революции 1917 года просвещенные люди остро чувствовали свою вину за отрыв от народа; советская интеллигенция ощущала себя плотью от плоти народа. И как бы ни оскорбляли «прикорытниками» в начале буржуазной революции конца 1980-х – начала 1990-х годов многих знаменитостей советского времени, в том числе писателей, но они были настоящей элитой, пользовались уважением и искренней любовью народа, который, в свою очередь, видел любовь элиты к себе. При нынешнем положении вещей, имущественном (даже не образовательном, как в царской России) разделении людей, самозванные элиты упорно внушают народу комплекс неполноценности. Мой знакомый, крупный предприниматель, постоянно, и даже не метафорически, твердит о необходимости над каждым белорусом поставить надзирателем поляка или немца с кнутом, чтобы те били нашего соотечественника поминутно, заставляя лучше работать.

Какой-нибудь новоявленный белорусский бюргер, владелец торгового ларь-ка, с презрением смотря на земледельца, бизнесмена – на писателя, чиновник – на профессора университета (поскольку у чиновника власть). Относительно последних – особенно показательно, на своей, так сказать, шкуре ощущая еже-дневно: преподаватели вузов, профессора, доценты, авторы многих учебников, книг, статей, курсов лекций, привыкшие мыслить аналитически и глобально, к управлению образованием не допускаются категорически, абсолютно не имеют права голоса в образовательном процессе. Все так называемые реформы (сплошь разрушительные), все нововведения, якобы новации – результат бюрократических измышлений чиновников, обычных клерков, которые никогда в жизни не стояли за преподавательской кафедрой и, собственно, понятия не имеют о сути педагогики. То же касается и науки.

Российский публицист Михаил Полторанин, будучи сам в 1990-е годы помощником

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org президента Бориса Ельцина и знавший новоявленную «элиту» изнутри, пишет о ней в своей нашумевшей книге «Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса»: «Ельцинские реформы выгребли из соци-альных подворотен весь человеческий мусор и подсунили в поводыри обще-ству – мошенников, фарцовщиков, спекулянтов театральными билетами, про-ныр по части купи-продай, базарных шулеров и наперсточников. Этому отребью позволили безнаказанно мародерствовать на российской земле, пинком открывая любые чиновничьи двери. И отребье в одночасье возомнило себя господствующей кастой. Они взялись навязывать стране свою волю, свой образ мыслей, свою гнилую мораль...»

Не было в истории, чтобы «элита» получила такой колоссальный кусок общественного пирога, не неся никакой ответственности, как это произошло на постсоветском пространстве. Кстати, и в Беларуси также, хотя у нас это меньше бросается в глаза. Но главное, а именно навязывание через СМИ своей воли, своей воровской морали, а вернее, аморализма, остальному населению, создание абсо-лютно бездуховной атмосферы, стиля жизни, ориентированного исключительно на потребление и разные забавы. И при этом постоянная трескотня и мировых политиков, и наших доморощенных, лезущих в политику, о демократии.

Однако было бы лукавством утверждать, что и при социализме опреде-ленные прослойки общества или индивидуумы не ощущали свою избранность и не пользовались ею. Публицист Ольга Жукова в большой статье (2012 г.) «“Кадры” отстояли Родину, а “элиты” ее растащили» глубоко анализирует роль элит во время Великой Отечественной войны. Она исключительно высоко оце-нивает деятельность управленческой, армейской, научно-технической, рабочей элит – всех тех, кто ковал Победу.

Так довольно необычно для нашего времени, когда принято непременно ругать советский строй, упоминание ею о прекрасной работе партийно-номенклатурного аппарата: «Хранящиеся в архивах деловые письма, докладные записки, заявления военной поры свидетельствуют о необычной скорости их прохождения к адресатам. Через три-четыре дня после регистрации в секретариатах на них уже стоят резолюции тех, кому они адресованы, – А. С. Щербакова, А. А. Андреева, А. А. Жданова, Г. М. Маленкова и других партийных и советских работников.

А ведь члены ЦК занимали в ту пору по несколько важнейших должностей, и поток документации в их адрес, вопросов, требующих немедленного решения, был огромен».

То, что вопросы действительно решались (в том числе и до войны) быстро, могу подтвердить, как неувидительно, и я, основываясь на семейных преданиях. Мой дед Филат Азарович, работая в 1932 г. на железной дороге, потерял очень важный документ. Его осудили, он строил Беломорско-Балтийский канал и канал «Москва-Волга». В 1938 г. утерянный документ совершенно мистическим образом, по подсказке во сне, нашелся. Моя тетя Оля выслала его с просьбой о помиловании Михаилу Калинин – «всесоюзному старосте». Через неделю дед вернулся. Причем мои мама и тети, в отличие от потомков действительно значительно потерпевшей тогда элиты, никогда не нарекали на власти, полагая, что «значит, так нужно было»: по закону какой-то высшей справедливости нужно было, чтобы их отец пострадал – или за грехи предков, или за будущее счастье детей и внуков.

Воздав должное властно-научно-производственным элитам, Ольга Жукова приводит многочисленные примеры стремительного обуржуазивания, наряду с самоотверженным трудом, в том числе на фронте, художественной элиты: «Народные любимицы – звезды советского кино, изображая на экране просто-народных письмоносиц, трактористок, ткачих, свинок, скромных офицерских жен и домохозяек, в реальной жизни примеряли роскошные наряды и шляпки из спецателье, а то и из Парижа-Лондона, активно скупали драгоценности у “бывших”. В дни блокады Ленинграда Любовь Орлова добилась предоставле-ния ей самолета – “полюбоваться белыми ночами”». А на самом деле летала за антиквариатом, который в осажденном городе невероятно подешевел.

Однако ради справедливости стоит сказать, что случались истории еще более вопиющие. Неизвестно, какое отношение имеет автор указанной выше статьи к «маршалу Победы», но я знаю, что в мае 1946 г. на даче Георгия Жукова было обнаружено огромное количество ценностей, вывезенных из поверженной

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
Германии: антикварной мебели, картин, посуды, мехов, отрезов ткани. Именно потому Сталин понизил маршала в должности и перевел его в Южный военный округ, в Одессу. В неплохом телесериале «Ликвидация» об этом не сказано ничего. Правда, сам Жуков ценностей не тащил, он и не знал, сколько у него чего наскладировано, – виноваты люди из его окружения.

Реакция, в целом справедливая, Сталина относительно Жукова, между прочим, показательна – на фоне нынешней полной безнаказанности бывшего министра обороны РФ Анатолия Сердюкова и его обворовавшей армию на миллиарды любовницы Евгении Васильевой, которая, находясь якобы под домашним арестом в тринадцатикомнатной квартире, гуляет по бутикам, пользуется услугами повара, массажиста, маникюрши, педикюрши и так далее.

Для советского человека, привыкшего, что бы там истерически ни вещали по олигархическому российскому телевидению, к фактическому равенству, это какой-то фантазмагорический кошмар, босхиниана. А разве не кошмар – уже в мировом масштабе – однополюсные браки, ювенальная юстиция, кибервойна против личности? Чтобы и дальше новоявленной «элите» можно было творить все что душевнее угодно, и нужно всяческую память об истинной демократии (не той, как ее понимают на Западе, не декларируемой) из сознания бывших советских, которые еще живы, побыстрее выбить. Специально говорю о России, поскольку все, что там происходит, активно воспринимается – через СМИ – белорусским населением. Наше несчастье: нет языкового барьера перед идеологической и псевдокультурной экспансией.

В 1950-е и в последующие годы советской эпохи белорусская интеллигенция никогда не ставила себя высоко над народом, не издевалась над ним, хотя чувство исключительности с некоего момента начинало проявляться, словно оказалась перейдена какая-то моральная межа. Помню один жаркий спор Шамякина и его друга драматурга Андрея Макаенка. Меня тогда поразило заявление Андрея Егоровича: «Я никому ничего не должен. Я – победитель. Свой долг перед Родиной, обществом выполнил во время войны. Теперь мне все должны». Хотя по сути верно относительно ветеранов войны, но все это принципиально расходилось с тем, что внушал нам, да и в самом деле думал, мой отец. Он не уставал повторять, что он обязан, а не ему. Потому и работал фактически до своего конца – ему казалось, что не все сказал, что по-прежнему ответственен перед народом – уже хотя бы потому, что «кому много дано, с того много и взыщется». Так не раз повторяла мама. Подчеркиваю: ощущая – по естественному закону неодинаковости людей – свою особость и даже избранность, интеллигенция ни в коем случае не презирала собственный народ, чем и отличалась от сегодняшних «элит».

Интерес обывателей, в том числе просвещенных, «образованцев», всегда материален, и нельзя людей за это осуждать. Так было испокон веку, но все же такого духовного коллапса, как в последние десятилетия, никогда прежде не наблюдалось, поскольку существовала настоящая элита, «державшая планку». Элита создавала в обществе атмосферу, в которой худшие качества человеческой природы не вырывались наружу, а тем более не культивировались.

Атмосфера создавалась не только великими произведениями, скажем, в литературе и кино, но и соответствующим поведением. Вспоминая приезжавших в Беларусь гостей, размышляю – проявлялись ли в них кастовость, спесь, высокомерие, вера в свою непогрешимость и абсолютную правоту, поскольку они – известные писатели?

В то время литераторы из союзных республик, особенно русские – москвичи и ленинградцы, – очень любили ездить в Беларусь (дело было до Чернобыля). Союз писателей СССР постоянно в Минске проводил разные пленумы, семинары и прочие мероприятия союзного уровня. Белорусы удивительно гостеприимны. После многочасовых заседаний гостей разбирали по домам самые знаменитые белорусские писатели. У них много было друзей не только среди русских, но и среди польских, украинских, болгарских мастеров слова. Да что говорить: к нам нередко приезжали, правда, уже начиная с 1980-х, даже китайцы – китайские переводчики. В Китае почему-то очень полюбили произведения Шамякина и практически полностью его у себя издали.

Особенно часто приезжали к отцу его постоянные переводчики с белорусского на русский язык – уже очень пожилые Арсений Георгиевич Островский и Павел Семенович Кобзаревский из Ленинграда. Они были исключительно интеллигентны, тактичны, уважительны буквально ко всем, вплоть до детей. Ставшая питерская школа этикета. Известный московский кинорежиссер Самсон Самсонов,

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org поставивший хороший фильм по повести Шамякина «Торговка и поэт», приезжал не раз вместе с совсем еще молоденькой Натальей Андрейченко, будущей звездой, впоследствии бездарно растратившей себя в Америке. Андрейченко (именно она играла Ольгу в «Торговке и поэте») оказалась веселой и смешливой, разбитной Самсонов – колоритным в своей очаровательной наглости. Однако высокомерия, чванства ни в нем, ни в ком другом из знаменитых россиян, наших гостей, не ощущалось.

Прост в общении, даже застенчив был главный редактор самой популярной тогда в СССР «Литературной газеты» Александр Чаковский, бывавший у нас дома. Очень сдержанным выглядел Константин Симонов, но в этой сдержанности проявлялся скорее характер, чем презрение к хозяевам. А может, уже начи-навшаяся болезнь.

При этом многие из белорусских писателей держались в среде российской интеллигенции без заискивания, с большим достоинством, даже как-то аристокра-тично. Помню это мое впечатление от наблюдений за Максимом Танком, Янком Брылем, Иваном Мележем, Андреем Макаенком, Иваном Науменко. Иногда каза-лось, что именно высокопоставленные гости перед хозяевами тушуются.

Что же в наших было такое? Полагаю, ощущение собственной национальной идентичности (даже в вышитых сорочках тогда ходили), которая в россиянах в то время выявлялась слабо. Уверенность нашим придавало и хорошее вла-дение русским языком – в отличие от всех других нацменов. Мой отец был вообще достаточно робок, но он прекрасно, без белорусского акцента, говорил по-русски и отлично знал русскую культуру (в Москве и Ленинграде всегда ходил в музеи и меня водил). Потому и он чувствовал себя с высокими гостями из России на равных.

Более мелкая из российских литераторов публика, которую в большом, про-сто подавляющем количестве можно было встретить в многочисленных тогда Домах творчества с их привилегиями (вплоть до огороженных пляжей, куда проходили по пропускам), уже свою отдельность от народа остро чувствовала и культивировала, свысока поглядывая на остальных курортников. Впрочем, помню милую застенчивость вологодского провинциала Василия Белова в Кок-тебеле – на фоне развязности и наглости москвичей, преимущественно модных поэтов и киношников. Эти элитарии – порождение хрущевской слякоти – жили весело, вольготно, безбедно (о некоторых изобретательно-остроумных способах их заработков в литературе и кино рассказывали осведомленные белорусские писатели); дурачились благодаря оклеветанной ими советской власти, но им всегда чего-то не хватало: то ли зарубежного тряпья, то ли секса и творческой свободы. Диссидентствовали и этим ставили себя над «быдлом».

Нынче бытует расхожая фраза, что они изливали свою желчь или рассказы-вали антисоветские анекдоты «на кухнях». Да ничего подобного – на пляжах, на балконах своих номеров в Домах творчества, в столовых, притом во весь голос, никого не боясь и не стесняясь. То ли провоцировали собеседников, то ли желали пострадать, прослыть мучениками, гонимыми, а может, и в целях воспитания молодежи – мы-то их невольно слышали. Телеведущий, политиче-ский аналитик Анатолий Вассерман в статье «К социализму возврат неизбежен» (2013 г.) пишет о тогдашних художественных кумирах: «В конце 70-х многие деятели не просто держали фигу в кармане, но и гордились ею». «Фига в карма-не» – это циничные шуточки, фразочки, бесконечные анекдотцы, которые ясно показывали, что вещали с трибун кумиры публики одно, притом официально пра-вильное, а думали совсем другое. Вообще таких, «вещавших», а после 1991 го-да «вдруг» изменивших свои взгляды на противоположные, я знала много.

А уже в наше время очень они любят вспоминать, как их «травила» советская власть, как, бедные, исстрадались, сколько притеснений терпели, например, не могли свободно купить туалетную бумагу. Поражает эта зацикленность якобы духовной элиты на всем материальном, бытовом, мелочном.

Определенное разделение было не только в профессиональном, так сказать, смысле (писатели и кинороботники в то время – очень уважаемая часть обще-ства), но и в территориальном.

В самом начале 1970-х гг. мой муж и брат учились на геологическом факультете БГУ (потом факультет переведут в Гомельский государственный университет). Они ездили на производственную практику не только по Беларуси, но и в Крым. Там были стационарные базы Белгосуниверситета, а

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org также МГУ, Воронежского, Харьковского, еще каких-то университетов. Естественно, студенты встречались в маршрутах, одалживались чем-то в лагерях, знакомились. При этом все регионалы дружно ненавидели студентов-москвичей, и судя по рассказам ребят, было за что. То есть ощущение той столичной элитарности, которую старательно, бук-валью сжав зубы, в силу внутренней культуры, подавляли в себе прославленные на всю страну Константин Симонов и Александр Чаковский, в молодежной среде уже тогда выявлялось открыто и нагло. Молодежь – индикатор.

Еще о молодежи, уже возвращенной на белорусской почве. Нынешняя поп-дива, а в начале 1990-х годов только что ставшая одной из первых «красавиц» на конкурсе каких-то бесконечных «мисс», обиженно жаловалась журналистам на университетских преподавателей, которым все никак не могла сдать экзамены: «Как они смеют относиться ко мне так, как и к остальным студентам?! Они что, не понимают, что я – особенная?!» Так и сказала, по своей девичьей наивности, совсем серьезно, – «особенная». Потом она, конечно, поумнела, перебралась в Москву, сейчас уж третий раз вышла замуж. И почему-то все ее мужья и друзья неизменно оказывались богатыми бизнесменами. В этом, конечно, ничего плохо-го нет, однако – тенденция...

Ссловия, классы, касты, какие-то потери в обществе неизбежны – даже в муравейнике или в улье особи делятся по выполняемым функциям. Но одно дело, когда человеческий муравейник чувствует свое единство и вместе совершает великое дело, как это было, при всех оговорках, во время войны, другое, когда какая-то группа настойчиво декларирует свою исключительность и испытывает презрение по отношению к остальным. Причем по совершенно неочевидным основаниям!

Понятие «элита» выкристаллизовалось в 1990-е годы, когда другое, исключи-тельно важное понятие – «справедливость» – было изгнано из употребления, и установилась власть бывших цеховиков и торгашей. Известный российский писатель и публицист Олег Попцов пишет уже в наше время: «...капитализм, который мы построили, воровской и бандитский. Он породил социальные про-тиворечия и сделал социальную несправедливость нормой существования гро-мадной части населения страны». Несправедливость – и есть почва, возрастав-шая привилегированную страту, для которой народ, состоящий из тружеников, поскольку он беден, – быдло, человечье стадо, в лучшем случае – электорат.

В Беларуси в течение двух десятилетий все же как-то сохранялась некая видимость равенства, хотя помню постоянные толки нашей «продвинутой» интеллигенции в начале 1990-х годов о «совках», «приверженцах тоталитариз-ма». (Кличка «совок» пришла, как и многое в то время, из блатного жаргона: так «на зоне» воры называли тех, кто ударно трудился совковой лопатой, рассчитыв-вая на досрочное освобождение.) Еще поражало стремление отдельной группы приватизировать свою белорусскость – остальные на нее как бы не имели права. А сейчас чем дальше мы растаем в так называемую рыночную экономику, тем больше ее страшных язв открывается. Перечислять можно долго.

И вот уже летом 2013 года торговцы на рынках бастуют против сертификации товаров – требуют свободы впаривать потребителям негодную залежь и отра-ву. И страшно, если власти постепенно уступят диктату богатеньких наглецов. О том, что «богатеньких буратино» в Беларуси на самом деле очень много (при всех крокодиловых слезах о «диктаторе» Лукашенко), ярко свидетельствуют наши дороги, улицы городов и поселков: достаточно посмотреть на марки машин. Ведь по количеству престижных марок Минск уже обогнал столицу Австрии Вену!

Элитой чувствуют себя не только торгаши, поскольку все кругом твердят о важности сферы услуг, но и молодежь, которая также привыкла к рассужде-ниям СМИ о том, как она прогрессивна и умна, как необходимо о ней всемерно заботиться (а в подтексте – ей угождать). К старшему поколению появляется презрение за его «отсталость». И вот уже в государственном российском доку-менте, касающемся реформы РАН, оскорбительно подсчитано, сколько в Акаде-мии наук пожилых ученых, а сколько молодых. На что академик РАН и РАН Андрей Воробьев пишет в «Литературной газете»: «Аргументы Ливанова о про-центе «старых» и «молодых» в науке достойны разговора домохозяйка на кухне (Подчеркнуто мною. – Т. Ш.). Обсуждать эти «мысли» невозможно, хотя вопрос о проблеме стареющего населения планеты волнует ученых всего мира. Суще-ствуют (но не у нас) разные решения, как использовать интеллект и руки

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
пожи-лых людей с пользой для них и общества».

Война всех против всех, раздраз в стране и хаос начинаются с ощущения частью населения своей элитарности. Опасность таится и в том, что идея исключительности, собственной значимости – расовой, национальной – ежедневно, ежечасно порождает социал-дарвинизм, идеологический источник фашизма.

Расово-националистический соблазн исключительно велик. Даже исконно толерантные белорусы ему изредка невольно поддавались.

Однажды моего отца, уже тогда первого секретаря Союза писателей Белару-си, пригласили в контролирующую национальную безопасность организацию. Он очень удивился, когда ему показали заполненную вкладками сберкнижку одно-го из писателей, выданную в «третьем рейхе» (!).

Все быстро разъяснилось. В 1960-е годы даже лейтенанты, служившие в органах, даже Шамякин, не знали, что часть Беларуси (некоторые районы Гродненщины) во время Второй мировой войны входила в «третий рейх»: немецкие ученые вычислили, что на эту территорию никогда в истории не про-никали чуждые расово завоеватели, скажем, тюрки, и значит, население здесь сохранило чистоту истинно арийской крови, как и натуральные немцы. Потому жители этой части Беларуси пользовались теми же привилегиями, что и жители собственно Германии. А на остальной части Беларуси – оккупация и жесто-чайший геноцид.

Современный белорусский исследователь Кузьма Козак, автор книги «Гер-манские и коллаборационистские потери на территории Беларуси в годы Вели-кой Отечественной войны (1941–1944): анализ и итоги» утверждает на основе изучения колоссального архивного материала: «Наши людские потери огромны. Но это одна сторона. Другая, это видно и по документам, что нигде не было тако-го сопротивления, как в Беларуси». Кстати, тот будущий писатель со сберкниж-кой рейха (о которой он и не знал) смог во время войны сбежать к партизанам, воевал самоотверженно, честно, и вообще во всех смыслах был замечательным человеком и хорошим прозаиком.

Но обнародую и другие факты. Мой учитель, известный ученый и поэт, про-фессор, о времени своего детства в «третьем рейхе» говорил с придыханием, восторгом, искренним сожалением об утраченном рае. Да, это было всего один раз, он, по своей эмоциональности, сорвался, проговорился, оскорбленный моим безусловным отрицанием буквально всего в фашистской Германии. Но я его поняла и не осуждаю. Детство ведь всегда вспоминается с ностальгией; семья врача, конечно же, жила при немцах хорошо; и я вполне допускаю, что все было, по словам моего наставника, «очень культурно». И разное, будем говорить чест-но, отношение к Великой Отечественной войне среди белорусов тоже понятно: оно одно у тех, чьи предки находились под оккупацией и испытывали жесто-чайшее притеснение, и оно несколько другое у тех, чьи отцы и деды получали определенные привилегии как жители «третьего рейха», кстати, за счет ограбле-ния соотечественников.

Нельзя здесь не сказать и о том, что партийная и государственная после-военная элита в Беларуси принципиально отличалась от управленцев в других республиках. Она у нас, начиная с первого секретаря ЦК КПБ Петра Мироновича Машерова, сплошь из бывших партизанских командиров. То есть людей, при-выкших не просто к постоянной опасности, а к необходимости самостоятельно принимать решения и быть ответственными за каждый свой шаг и поступок. Как нигде, наши элитарии отличались настоящим демократизмом.

В связи с этим расскажу один случай, который я услышала в 1970-е годы от моей портнихи. Однажды она вместе со своими дочерьми, начинающими бале-ринами, возвращалась с дачи с тяжелыми сумками. На шоссе голосовали. И то ли издали не рассмотрели, то ли задорные девчонки, как говорят сегодня, «при-кололись», но проголосовали черной «чайке». Она, на удивление, остановилась и подобрала трех женщин. Хозяин «Чайки», человек в черных очках, сидевший рядом с водителем, часто к пассажиркам оборачивался, всю дорогу разговаривал, расспрашивал своих попутчиц о жизни, рассказывал о своих дочерях. По при-езде в Минск глупая женщина додумалась предложить хозяину машины деньги за проезд. Тогда он обернулся, снял очки и спросил: «Вы хотя бы знаете, с кем ехали?» Это был Машеров.

Тут интересны два момента. Во-первых, кто бы из руководителей какой

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
дер-жавы подхватил голосовавших на дороге, даже в то время, когда о терроризме слухом не слыхивали? Во-вторых, меня поразили, конечно же, наши обыватели. Не знать своего руководителя в лицо – это значит никогда не смотреть новост-ные передачи по телевизору, не читать газет. Да, именно так и оказалось: они ничем, что происходит в республике, не интересовались. А зачем им? Кстати, я и сегодня знаю немало таких личностей: в лучшем случае смотрят «Евроньюс», а все свое, все, что происходит в родной стране, в том числе положительное, – презирают. При этом считают себя элитой.

Возвращаясь к Машерову, скажу, что он всегда пешком, без охраны, ходил на работу, нередко заходил в магазины, но, правда, именно в черных очках. И все же, восхищаясь белорусским руководителем, всенародно любимым, нельзя его за такое поведение похвалить. Пренебрежение безопасностью стоило ему в ноябре 1980 года жизни.

Много в автомобильной аварии, в которой погиб Петр Миронович, неясного, загадочного, подозрительного. Кстати, мало кто знает, что незадолго до аварии уже было принято решение о назначении Машерова Председателем Совмина СССР – вместо Алексея Николаевича Косыгина, по рекомендации последнего. При неспособности Л. И. Брежнева еще не старый, умный, энергичный Машеров вполне мог бы стать Генсеком. Потому не случайно сразу же после смерти белорусского лидера пошли разговоры о причастности к катастрофе секретного ведомства Ю. В. Андропова. Мой отец долго этому не верил, махал руками на собеседников и возмущался подобными утверждениями. Но потом поверил...

В самом деле, зачем смертельно больной Ю. В. Андропов так рвался к власти? Теперь, после всего происшедшего с СССР, пожалуй, понятно: его задача-чей было расставить на нужные места нужных людей, в частности, просунуть в Политбюро первого секретаря Ставропольского обкома М. С. Горбачева. Мог ли Андропов и те, кто за ним стоял, допустить появление в руководстве Совет-ским Союзом такого выдающегося государственного деятеля, как Машеров? А ведь не случись с ним трагедии, все-все могло бы быть по-другому...

Жилье

В 1950-е годы, при колоссальном дефиците жилья, собственный дом Якуба Коласа в центре Минска населением воспринимался абсолютно нормально: культ народного песняра был всеобщим.

Я слабо помню Якуба Коласа. Естественно, в дошкольном возрасте я не могла посещать его дом, хотя отец ходил к нему регулярно – за партийными взносами. Классик и молодой прозаик вели тогда долгие беседы. А потом, в течение нескольких десятилетий, очень дружили Шамякины и семья Данилы Константиновича, сына Коласа. И тем не менее, я имела счастье видеть самого Константина Михайловича. В 1950-е годы писатели Беларуси еще не настра-или собственных дач. Первый секретарь ЦК КПБ Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко отдал им под Дом творчества свою, естественно, принадлежащую государству, дачу в Королицевичах, рядом со Стайками. Долгое время, вплоть до конца 1980-х гг., когда Нил Гилевич, сменивший Ивана Шамякина на посту первого секретаря СПБ, продал этот Дом творчества какому-то предприятию, Королицевичи были любимым местом отдыха и работы многих поколений литераторов, а также их детей.

От главного, жилого, двухэтажного корпуса Дома творчества до столовой вела дорожка посреди леса длиной чуть более километра. Специально для Я. Коласа, который утомлялся ходить, на середине дороги поставили скамейку. Он сидел, опершись на палочку, а мы, дети, копошились вокруг него на земле, соби-рая чернику или играя в камешки.

После войны писатели, по мере восстановления города, устраивались в Мин-ске со все большим комфортом. Постараюсь это показать хотя бы на примере нашей семьи.

В 1948 году, за два месяца до моего появления на свет, родители из провин-ции приехали в столицу и поселились на частной квартире в крохотном деревян-ном домике болотистой Комаровки – на теперешней улице Якуба Коласа. Отец начал учиться в Высшей партийной школе, старшая сестра Лина пошла в первый класс. Она пишет в своих мемуарных заметках о том времени: «На Логойском тракте снимали комнаты Андрей Макаенок, Петр Василевский, Алексей Кулаковский. Папа с ними подружился. Они приходили к нам. В теплое время беседовали в вишневом садике о политике, экономике страны, писательских

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
делах. Когда случались холода, шли к кому-нибудь из них, поскольку у нас было очень тесно». Жили еще страшно бедно, но уже не голодали, как в первые послевоенные годы. А дефицит жилья был, безусловно, огромный. Тем не менее, по утверждению той же Лины Ивановны, семья Шамякиных переезжала из деревни в город с боль-шими надеждами и верой в счастливую жизнь. Она и правда делалась не только все более нормальной, но и воистину счастливой. Я еще застала это незабываемое ощущение, царившее в семье, в среде знакомых и родных, вообще в стране. Никакими словами невозможно выразить удивительную атмосферу того време-ни, когда все было еще на подъеме, настроение радостное, а при этом – жизнь в тесноте и посреди развалин.

В 1950 году родителям дали две комнаты в общей квартире вместе с писа-телем Алексеем Кулаковским на улице Карла Маркса, вблизи вокзала. По сви-детельству Лины, жили в коммуналке необычайно дружно, интересно, шумно. У Шамякиных родился долгожданный сын Саша, у Кулаковских – третий из сыновей Коля. Наша семья стала покупать кое-какие вещи. Для меня загадка, как в таком гаме и тлуме могли работать два писателя, как воспарял, так сказать, их дух? А ничего, они всегда с удовольствием вспоминали жизнь в коммуналке.

Уже где-то в 1952 году мы с Кулаковскими разъехались. Шамякины полу-чили отдельную трехкомнатную квартиру на первом этаже дома на углу улицы Комсомольской и проспекта (тогда существовал только один проспект). Эту тем-ную квартиру напротив клуба имени Дзержинского я уже сама хорошо помню. Причем наиболее запомнившийся эпизод из того периода жизни – день смерти Сталина. Мне четыре с половиной года. Окна нашей квартиры выходили не на проспект, который еще только строился, хотя многие дома уже стояли, а на улицу Комсомольскую. К нам никогда не заглядывало солнце. А в тот день еще и не зажигали свет – почему-то мама считала это кощунством. День мрачный, холодный, с промозглым ветром. Помню голос Левитана по радио – такой тра-гический, что брал за душу и малых детей. У меня забрали все цветные ленты в косички, перевязав ими горшки с цветами, чтобы отнести вождю. Весь день взрослые провели на площади, перед памятником Сталину. Сестра говорила, что там многие безутешно рыдали и даже теряли сознание. Удивительно все же, какие эмоциональные были белорусы в то время! И понятно почему: люди пере-жили войну, многие потеряли семьи и видели гибель сослуживцев.

В 1954-м или в 1955 году мы поселились снова-таки на улице Карла Маркса, но в доме под № 36, где большинство квартир заняли семьи литераторов. Тут мы прожили пятнадцать незабываемых лет, пожалуй, самых счастливых в моей жизни. Да и в жизни родителей – также.

Дом тогда нам, детям, казался огромным, а был всего только пятиэтажным, на три подъезда. Между вторым подъездом, где наша семья жила на четвертом этаже, и первым, где оказалось много друзей, можно было пройти не только по двору, но и по подвалу и даже по чердаку. Но поскольку мой брат Саша под-ростком держал на чердаке голубей и нередко, гоняя их, вылезал на крышу, то, по просьбе жившего на пятом этаже Янки Брыля, чердак в конце концов закрыли.

В доме сначала были плиты, топившиеся дровами (сегодня даже трудно представить!). Дровяные сараи находились во дворе – на том месте, где сейчас кинотеатр «Пионер». И еще характерный для того времени нюанс: на такой дом полагался домоуправ – управляющий домом, который разрешал все бытовые вопросы. Мне он помнится – бывший военный, который, естественно, хорошо знал всех жителей и их запросы. Но вскоре было создано домоуправление, где чиновникам уже, ясно, было не до каждого отдельного жильца. Сегодня процесс бюрократизации, всеобщего обезличивания пошел еще дальше.

И еще о сфере, достаточно важной. В 1950-е годы почта работала без выход-ных, как и издание центральных газет, и, конечно же, без обеденных перерывов (перерыв на почте – нонсенс); носили корреспонденцию три раза в день, первые газеты обязательно доставлялись уже к 8 часам утра; почтовые ящики распола-гались на дверях каждой квартиры. Труд почтальона нелегкий. Я знаю о нем не понаслышке – моя тетя Оля всю жизнь проработала на почте. А нам в годы про-живания на улице Карла Маркса носила почту девушка Женя, сирота, из детдома. Моя мама ей помогала материально. Но каждому времени – свое: зато ныне есть интернет. Что может быть удивительнее! Правда, и идеологический прессинг с разных сторон, сегодня гораздо мощнее, чем жалкая

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
ежедневная газета, пусть и рупор руководящей партии, в 1950-е годы.

...Сегодня наш бывший дом, угловой, частично выходящий и на улицу Энгельса, испорчен «пещерой» – входом в метро, а тогда там помещался книжный магазин «Политкнига», занимая большую площадь, чем в наше время. Но, естественно, он не был сплошь забит трудами классиков марксизма-ленинизма и брошюрами издательства «Политпросвет». Имелись отделы (они располагались в нишах) и художественной литературы, географической, исторической, а также большой канцелярский отдел; потому мы, дети, этот магазин хорошо обжили.

По диагонали от входа в магазин – Государственный академический театр имени Янки Купалы, который в нашем детстве как раз перестраивался в более современном стиле, а сегодня ему возвращен прежний облик – начала XX века (метаморфозы при жизни одного поколения!), причем злоупотреблений совершено при реконструкции на полтора миллиарда рублей. Происходило ли такое тогда – при громадных масштабах и ускоренных темпах строительства? Вопрос риторический.

Квартал напротив нашего дома и одновременно напротив театра, ограниченный с четырех сторон улицами Маркса, Энгельса, Ленина и проспектом Сталина, был почти закончен, только уже после нашего вселения достраивался кинотеатр «Новости дня», сейчас это – Малая сцена Купаловского театра. Невдалеке – площадь, сегодня – Центральная, а тогда – Сталина. На ней высился огромный памятник Сталину работы Заира Азгура. Помню реакцию взрослых после ста-свивания монумента танками с пьедестала в одну октябрьскую ночь 1961 года. Еще одна глупость Хрущева: свержение кумиров – начало ликвидации страны и даже цивилизации. Отношение в Китае к Мао Цзэдуну совсем иное, а ведь тоже – не без грехов. Однако китайцы смогли рассмотреть, проанализировать, разобрать хорошее, плохое, неоднозначное.

По улице Энгельса, через дорогу от театра, тогда высилась большая чугунная ограда, окружавшая территорию, которая примыкала к строгому и величественному по архитектуре зданию ЦК КПБ (сегодня Администрации Президента), а рядом примостилось, как бы притулившись к громадине, двухэтажное, на цоколе, здание тогдашнего Союза писателей Белоруссии. Здесь работали наши отцы, лучше сказать, это был их родной – без преувеличения – дом, хотя, образно говоря, и «под крылышком» у властей. Само здание в каком-то смысле историческое: в нем во время немецкой оккупации подпольщица Елена Мазаник убила заместителя Гитлера в Беларуси – гауляйтера Кубэ. После войны дом пере-строили и отдали писателям. Потому и жилье для них построили рядом, как раз напротив – тот самый «писательский» дом по улице К. Маркса, 36, а частично и по улице Энгельса.

Удивительно уютный Союз писателей в то время, притягательный для писателей – тогда было их немного, не более ста человек. И практически каждый день они заходили в свой Союз – в библиотеку, поиграть в бильярд, просто пообщаться. Здесь каждую неделю крутили зарубежные фильмы, проходили многочисленные и очень интересные мероприятия, на которые приглашались разные заезжие знаменитости. Организовывала встречи и концерты жена замечательного поэта Аркадия Кулешова – Оксана Федоровна, деловая, очень энергичная женщина, энтузиаст своего дела, совсем не похожая на крайне сдержанного мужа.

В цоколе здания Союза писателей размещалась писательская поликлиника под руководством Якова Владимировича Нейфаха – замечательного врача и обаятельного человека. Тогда ведомственные поликлиники выписывали больничные листы; в них также можно было сдавать анализы и проходить различные процедуры без всяких очередей; в нашу регулярно приглашались для консультаций и прославленные специалисты. Полная утрата поликлиники в начале 1990-х годов (на улице Румянцева, рядом с Домом литератора; сейчас там посольство Сербии) очень болезненно отозвалась в писательской среде.

До открытия в 1957 году отдельного здания Музея Янки Купалы его экспозиция также размещалась на площадях Союза писателей. Тесно, но символично. Еще и потому символично, что директором музея в годы нашего детства была Владислава Францевна, вдова Я. Купалы. По дороге из школы мы, писательские дети, заходили туда едва ли не каждый день.

Литераторы тогда общались и с классиками (ведь до 1956 г. еще был жив Я. Колас, гораздо дольше прожили М. Лыньков, К. Крапива. М. Танк), и очень активно – друг с другом. Ежедневно встречаться – абсолютно нормально,

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
психологически необходимо, и иначе не мыслилось. А жильем постепенно обе-спечили фактически всех, даже молодых.

Тогда была практика: когда писатель выселялся, получая новую квартиру, городские власти отдавали, по просьбе и по конкретной рекомендации Союза писателей, его старую квартиру более молодому литератору. Поэтому многие жили в квартирах друг друга. Например, в нашем доме по К. Маркса, 36 в трехкомнат-ную квартиру Яна Скрыгана на пятом этаже въехал, когда женился, Владимир Короткевич (сейчас там живет его племянница); в квартиру Янки Брыля – Вячес-лав Адамчик; в квартиру Кастуся Киреенко, который переселился в «Ондатровый поселок» на улице Пулихова, – семья Вячеслава Рагойши; в квартиру умершего Ивана Громовича – Григорий Семашкевич с женой Наташей. Таких заселений, перемещений было множество. Писатели старшего и среднего поколений и сегод-ня помнят – кто в чьей квартире начинал жить.

Наша четырехкомнатная квартира считалась роскошной, хотя по сегодняш-ним меркам, без прихожей, с крохотной кухней, маленькими комнатками, – про-сто убогая. Над нами, в точно такой же, жила семья Янки Брыля, у которого так же, как у Ивана Шамякина, было трое детей; под нами, на третьем этаже, – Петр Глебка с женой и удочеренной в войну еврейской девочкой. Напротив нас, на одной площадке, жили с семьями – сначала Иван Мележ, потом, с 1964 года, Иван Науменко.

Однако по-настоящему роскошную квартиру я впервые увидела в Киеве.

Когда мне было пять лет, мы отдыхали в Доме творчества писателей под Одессой. Там было несколько интересных моментов. Во-первых, Шамякин, недавно купивший автомобиль «Победу» и еще плохо водивший, врезался в шикарный ЗИЛ сына Алексея Толстого Никиты, с которым и познакомился: вот уж кто выглядел барином, как и его гениальный отец! Во-вторых, я была там нарасхват как исполнительница драматической песни «Раскинулось море широко»: меня писатели и их жены все время ловили, просили петь (это был хит сезона) и, слушая, забавлялись от души, что характеризует общую тогдашнюю атмосферу, настроенность на постоянное веселье. А в-третьих, в прекрасной Одессе Шамякин на всю жизнь подружился со многими украинскими писателя-ми. С семьей одного из них – Степаном Олейником – мы вместе на машинах возвращались из Дома творчества.

Степана Олейника не нужно путать с прозаиком Борисом Олейником, в начале 1990-х очень нелицеприятно (впрочем, абсолютно правдиво) написав-шем о перво-последнем президенте СССР Михаиле Горбачеве. С Борисом мой отец тоже был хорошо знаком. Но подружился именно со Степаном, сатириче-ским поэтом, всегда безудержно радостным, по-украински феноменально остро-умным, чрезвычайно похожим на запорожского казака. Как раз по его стихот-ворному фельетону снял свою первую короткометражную комедию «Пес Барбос и необычный кросс» впоследствии прославленный кинорежиссер Леонид Гай-дай. Степан и его жена после войны взяли из детдома девочку и очень ее любили. У них была трехкомнатная квартира на центральном проспекте – Крещатике – в доме, который мне тогда показался небоскребом. А квартира – огромной, очень солнечной, светлой, обставленной дорогой мебелью. Здесь я впервые увидела газовую плиту и телевизор КВН. У нас телевизор, наверное, «Рубин», появится только через несколько лет. Газ, правда, провели довольно скоро. Можно сде-лать вывод, что Киев быстрее, чем полностью разрушенный Минск, восстано-вился после войны, а его интеллигенция жила с максимально возможным тогда комфортом.

В Москве творческой интеллигенции, наиболее известным в СССР людям, в начале 1950-х годов предоставили квартиры в самом роскошном тогда доме – высотке на Котельнической набережной. Здесь жили в разное время: писатели Александр Твардовский, Константин Паустовский, Михаил Пришвин, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский; знаменитые артисты и режиссеры: Михаил Жаров, Фаина Раневская, Павел Массальский, Марина Ладынина, Лидия Смир-нова, Владимир Огневцев, Галина Уланова, Клара Лучко, Людмила Зыкина, Роман Кармен, Николай Охлопков, Наталья Сац, композиторы Борис Мокроусов, Вано Мурадели, Анатолий Новиков, Никита Богословский; многие деятели науки. После разрушения СССР большинство представителей творческой элиты, кто остался жив, в этом, как и других престижных домах, квартиры или продавали, или сдавали, переехав на дачи, – чтобы как-то выжить. Разместилась в дорогом жилье совсем другая «элита».

Мы в Москве гостили у фронтового папиного друга – белоруса Виктора

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
Вольского, Героя Советского Союза (прототипа Виктора Масловского в романе И. Шамякина «Зенит»). Втроем, с женой Вандой и дочерью Лизой, кандидат наук Вольский занимал поначалу небольшую двухкомнатную квартиру. Но потом они переселялись во все более просторные, так как Виктор Вацлавович стал дипло-матом, доктором экономических наук, а впоследствии академиком, директором Института Латинской Америки. Он неоднократно в Америку летал и подолгу там находился. Дружил с тогдашним президентом Мексики, хорошо знал бра-тьев Кастро, других латиноамериканских лидеров. Рассказывал много интерес-ного. Казалось даже удивительным, что наш рахманный белорус может быть вот таким – человеком мира, знатоком экзотических культур, другом президентов, с которыми решает очень конфиденциальные политические и экономические вопросы. Естественно, в его квартире было много разных диковинок. Напри-мер, раковины, которые со страстью коллекционировал, он добывал сам, ныряя в Карибское море. Кто смеет утверждать, что дайверы стали известны нам после «перестройки»?

Больше в Москве я ни у кого не была, так как мы преимущественно останав-ливались в гостинице «Москва». Той самой, в которой погиб Янка Купала. Бело-русы традиционно, именно после войны, в ней селились.

В Минске приходилось бывать во многих домах. Особой экзотики, как у Вольского, конечно, не водилось, однако что-то необычное встречалось у мно-гих. Например, первый телевизор среди наших знакомых появился у классика детской литературы Янки Мавра, жившего на втором этаже первого подъезда «писательского» дома по Карла Маркса, 36.

Вещание тогда шло не более двух часов в день; одной из первых дикторов была ныне знаменитая и очень любимая народом актриса Мария Захаревич. Все соседи ходили к Мавру «на телевизор». Мы, дети, сидели на полу, на удивитель-ном ковре, скорее кошке, черно-синей, с красноватым орнаментом, подаренной Мавру почитателями из Туркменистана.

Однажды, также еще в 1950-х гг., Янка Брыль привез из Польши, куда часто ездил, костюмчики в национальном стиле для Гали и Наташи, тогда 6-9-летних. Когда они появились в своих удивительных нарядах во дворе, то поразили красо-той и детей, и взрослых. Действительно нарядно, да просто сказочно по сравне-нию с современным бросовым тряпьем из секунд-хендов! Но только писательские дети воспитывались в исключительной скромности, и больше в своих удивитель-ных нарядах девчонки не появлялись – боялись излишнего внимания к себе.

В 1960-х гг. писатели Беларуси, возвратившись с декады белорусской литературы из Узбекистана, привезли полученные там подарки – националь-ные тибетейки, стеганные халаты и шелковые платки, которыми подвязывались среднеазиатские мужчины вместо кушаков. Кто-то из белорусской группы в таком халате даже ходил дома. А я использовала платок многообразно, напри-мер, в качестве салфетки, для покрывания разных поверхностей: он оказался очень прочным и не выгорал.

А что же везли белорусы, отправляясь в гости? В основном дары наших лесов и рек (естественно, до Чернобыля): обязательно связки белых сушеных грибов, перетертой с сахаром клюквы, варенья из лесной малины, вяленой рыбы. Выши-тых и соломенных сувениров в 1950-е годы еще не продавали. А то, что вышивали своими руками наши бабушки, мамы и тети, вообще не считалось ценностью – бытовые вещи. Сегодня мы в семье, благоговея, за них даже взяться боимся.

Постепенно сувениры от поездок как украшение интерьера появлялись во все большем количестве. Когда в 1963 г. отец вернулся из США, где работал в составе белорусской делегации в ООН, он также привез какие-то штучки, но настолько быстро раздарил друзьям, что мы даже не успели их как следует рассмотреть. Впрочем, возможно, и правильно: явная штамповка.

А вот импортируемые китайские вещи в 1950-х гг., до того, как поссорились Мао Цзэдун и Никита Хрущев, были исключительно высокого качества. Очень хорошими оказались детские шерстяные костюмчики, красочные полотенца, вазочки, но особенно – шелковые изделия. Сохранившиеся в квартире моих родителей желтые в цветах шелковые покрывала за шестьдесят лет совершенно не утратили вид и по-прежнему нарядны.

В то время с большим вкусом делались фигурки из поделочных камней, фарфора

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org и фаянса. Были у нас даже пресловутые семь мраморных слоников, считавшихся пошлостью, – мы с ними играли. Видимо, всякая мелкая пластика что-то значила для родителей как память о конкретных событиях и местах. Но в середине 1960-х годов, под влиянием модных тенденций минимализма, я, украшая дом, все это – как мещанское и безнадежно отжившее – повыбрасывала. Родители промолчали: то ли сами не считали ценностью собственные приобретения – мол, купим новые; то ли, скорее всего, не акцентировали внимание в целях воспитания: раз дочь убирает, украшает дом, уже хорошо; упреками можно отвлечь от стремления заниматься домашним хозяйством.

Лет через десять после своей «домашней реформы» я сама горько пожалела об утраченных вещах и проклинала себя за свою непроходимую глупость. Меня оправдывает лишь то, что не я одна поддалась модному поветрию (тем более пре-ображала квартиру еще подростком).

Сошлюсь на русского писателя Владимира Солоухина. Он писал в книге «Письма из Русского музея»: «Я помню, как откуда-то с Запада захлестнула Москву повальная мода на современную мебель. Совпало к тому же с большим жилищным строительством, то есть, значит, с переселением на новые квартиры. Пошли в ход столики на четырех раскоряченных тонюсеньких ножках, табуретки на трех раскоряченных ножках, фанерные шкафчики, фанерные полочки, пластмассовые абажурчики и настольные лампы, глиняная посуда с облагороженным звучанием – керамика. Вздурораженные москвичи пошли выбрасывать из своих квартир красное дерево, карельскую березу, амбир, павловские гостиные, венецианское стекло и хрусталь. Не буквально выбрасывать, конечно, – в комиссионные магазины, где все это было моментально скуплено иностранцами за баснословный бесценник. Угар прошел быстро. Теперь снова какая-нибудь заваленная столовая XIX века стоит дороже, чем двадцать самых современных гарнитуров, но, увы, поздно. Тысячи и тысячи москвичей остались при своей фанере, глине и пластмассе. Ах, это пошло, ах, это мещанство, ах, посмотрите, как на Западе. А Запад приобрел всю нашу пошлость, все наше мещанство, вывез к себе и весьма доволен».

Так же, как с ценными вещами, советские люди в 1991 году поступили с собственной страной – бездумно, бездарно, глупо...

И в нашей семье вещей не ценили. Все активно раздавалось, без сожаления выбрасывалось – тогда, когда можно было починить. А теперь я с завистью смотрю, например, на мраморную настольную лампу с зеленым абажуром, купленную еще в начале 1950-х гг., в доме Людмилы Карповой: и у нас была такая же. Где она? Как бы я хотела сейчас ее вернуть... Недаром моя младшая сестра Олеся и ее муж Сергей изредка, по возможности, покупают антикварные вещи – восполняют то, чем мы в своем легкомыслии бездумно пренебрегали. То есть действует закон жизненной полноты – возобновления там, где образова-лись искусственные бреши.

Оценивая квартиры наших соседей в «писательском» доме, пожалуй, наиболее высоко поставлю художественный вкус именно семьи Карповых. Всего в меру, все очень гармонично. И обязательно время от времени – снова-таки в целях воспитания детей – появлялись в их доме какие-то удивительные приобретения. Например, в начале 1960-х гг. у них в прихожей стояла огромная, в натуральный рост, собака-копилка из фаянса: каждый проходящий в квартиру норовил бросить в нее копеечки. Наполнялась она несколько лет. Было интересно опускать монетки в «собаку», а не потратить на мороженое, именно потому, что нигде никто та-кой большой копилки не видел. Друзья Карповых загадывали, сколько же она может вместить.

Все квартиры не лишены были уюта, так что назвать стандартными их ни в коем случае нельзя. Правда, в то время хороших обоев не было, стены в некоторых писательских квартирах покрывались колером и так называемым «накатом». Я и сейчас люблю именно такие стены. Окна занавешивались тюлем и в кухнях – простенькими ситцевыми белыми занавесочками с кружевом «ришелье» по краям. Позднее все гонялись за немецким «дедероном», появились также шторы из особой портьерной ткани с крупным рисунком. В 1970-е годы шторы стали шелковыми, в 1980-е – уже и gobеленовыми. В любом случае, даже в официальных учреждениях, с гардинами и шторами – более разнообразно, уютно, по-домашнему, по сравнению с одинаковыми – везде и всюду – жутко надоевшими с 1990-х годов жалюзи, закрывающими свет, унифицирующими все и вся.

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
Картины мало кто из писателей собирал целенаправленно, но нередки были подарки от друзей-художников – авторские произведения.

У большинства соседей-писателей, кроме Карповых, интерьеры очень простые. И самое интересное в них – именно картины, гравюры, фотографии, и конечно же, книжные шкафы с их наполнением. Широко известно, что самая богатая библиотека в Беларуси оказалась у Петра Глебки. Он приступил к собиранию книг еще в начале 1920-х годов, будучи чуть ли не подростком. Потому и стал академиком! В его библиотеке сохранились многие раритетные издания, например, первые книги поэтов «Маладняка». Своей страстью коллекционера и вдумчивого читателя он заразил всех соседей. Они буквально соревновались в приобретении книг. Довольно много привозили из Москвы, где покупали в «Лавке писателя». Причем Шамякин, как один из руководителей СП, ездил в Москву особенно часто. Совсем немало выходило и подписок классики. Можно было воспользоваться услугой доставки подписных изданий на дом из специализированного магазина на проспекте. Книги носила в двух клеенчатых сумках пожилая сухонькая женщина.

Общий дух библиофильства, характерный для жильцов нашего дома, передался и мне (и на всю жизнь): еще будучи дошкольницей, я сама стала с нетерпением ожидать книгоношу. Бальзака и Гюго, конечно, тогда не читала, но любила рассматривать огромные тома Большой Советской Энциклопедии. В 1990-е годы, еще при жизни отца, родные кому-то отдали эту энциклопедию в 50-ти томах – она считалась безнадежно устаревшей, из другой жизни, тем более, начинала выходить (страшно подумать!) еще в сталинские времена. Как же я сейчас о ней жалею! Несмотря на то, что разместить ее негде: моя квартира очень маленькая, и книги стоят не только в комнатах, но и в коридоре, прихожей, кухне, на лоджии. Да, БСЭ – начало пристрастия к энциклопедиям. (Знаю, что очень любил собирать энциклопедии писатель Вячеслав Адамчик.) В мои школьные годы, в 1960-е, появилась Детская энциклопедия в 10-ти томах. На сегодняшний ум – исключительно удачная, полная, продуманно и бережно составленная. Я тогда ее любила просто читать и перечитывать, очень часто использовала при подготовке уроков.

Дефицит книг, как и многого другого, возник в 1970-е годы. На самом деле книг выходила масса и огромными, просто фантастическими, с сегодняшней точки зрения, тиражами. Да только торговая мафия научилась хорошо (для себя) доставшимися ей товарами распоряжаться: лучшее всегда припрятывала для «своих людей».

Страстными библиофилами были и Владимир Короткевич, Иван Науменко, Нил Гилевич. В какой-то момент Ядвига Павловна Науменко, жена Ивана Яковлевича, увлеклась, под влиянием общей моды, покупкой хрусталя. Но очень быстро остыла, и даже, показывая гостям на вазы и фужеры, сама поражалась своей слабости: зачем все это? Важнее то, что все ее дети были отличниками в школе и вузах, а во взрослой жизни стали выдающимися специалистами своего дела (один доктор и два кандидата наук).

Таким был дух писательского дома на улице Карла Маркса, 36. Еще раз подчеркиваю: все квартиры очень скромные, и потребительство совсем не являлось жизненным приоритетом – преобладали другие интересы.

Более роскошные (по тогдашним меркам) квартиры предоставлялись государственной и партийной элите. Правда, Петр Миронович Машеров в 1950-е годы жил с семьей в пятикомнатной, составленной из двух, квартире в доме № 11 по улице Янки Купалы, в окружении самых обычных людей. Я его квартиру хорошо знаю, тем более, что мы жили с 1970 года в точно такой же, на этаж выше, в бывшем жилье Сергея Иосифовича Притыцкого. Но когда нам его предоставили, в семье уже было девять человек: росла младшая дочь Шамякиных Олеся, мы с сестрой Линой вышли замуж, брат Саша женился. Позже отец нам, женатикам, построил кооперативные квартиры, и мы разъехались. Иван Мележ на пятерых (с тещей) получил также пятикомнатную квартиру, но больше нашей и в новом доме по улице Янки Купалы, 7. Василь Быков на двоих со второй женой получил трехкомнатную квартиру в престижном доме по улице Танка (в то время Танковой).

Не были обижены и другие, тогда знаменитые писатели и ученые. Огромную квартиру предоставили после войны Петрусь Бровке (сейчас там, по улице К. Маркса, 30, его музей). Но я была и в других квартирах этого престижного дома, всем сегодня хорошо известного, сплошь увешанного мемориальными досками, например, в квартире незаслуженно забытого академика Николая

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
Никольского. Я даже неплохо помню самого ученого, хотя и узнала его, когда он был уже безнадежно болен (позже я познакомилась с его трудами и сейчас пора-жаюсь, почему их не переиздают). Он оставил впечатление вот именно истинного интеллигента – еще дореволюционной закваски. Да и его поступки это под-тверждали: во время войны он женился на женщине-вдове с четырьмя детьми, вырастил их и выучил. Все они, уже взрослые, со своими детьми, жили в огром-ной квартире, комнат на семь-девять, где я путалась в бесчисленных коридорах. И сам академик Никольский, и его зять Поссе, с дочерью которого я дружила, были историками. В их квартире оказалось много предметов народного быта и найденных при археологических раскопках вещей, чрезвычайно притягатель-ных своей необычностью.

Мне приходилось бывать, правда, уже начиная с 1970-х годов и позже, у моей заведующей кафедрой и коллеги – Ольги Васильевны Козловой, дочери Председателя Президиума Верховного Совета БССР, прославленного парти-занского командира во время войны, Василия Ивановича Козлова. Там на пять человек имелось восемь комнат, расположенных в двух уровнях: на первом этаже – помещение для охраны, которое после смерти Василия Ивановича осталось за семьей. Все сохранялось, до кончины Ольги Васильевны, в непри-косновенности: массивная мебель из ценных пород дерева, ковры, большие картины – подарки художников, шкафы-витрины с бесчисленным количеством сувениров. Новые владельцы этой шикарной квартиры все множество книг, ценнейшую библиотеку Козловых, выбросили прямо на улицу, хотя сын Ольги Васильевны, живущий в Москве, обещал отдать ее филологическому факультету БГУ, да, видно, забыл...

Кстати, некоторые писатели мебель тогда заказывали у частных. Мало кто знает о существовании в сталинские времена 114 000 промышленных артелей по стране (согласно А. К. Трубицыну). На них работало 2 миллиона человек, и они выпускали 6% продукции легкой промышленности – фактически и сегодня частники-производители выпускают столько же. А тогда в большом коли-честве – мебель, посуду, почти все детские игрушки (сейчас за ними охотятся коллекционеры). Это было настоящее предпринимательство.

Мой дед по маме Филат Азарович бондарничал частным образом. Очень много в Минске было частных портных, работавших по лицензии. Жены элиты только у них и шили. Помню, еще в начале 1950-х гг. по дворам ходили сборщики утиля из маленьких артелей и частники-точильщики режущих инструментов со своими ножными станочками. Они скоро исчезли как анахронизм, а вот к красно-деревщикам писатели обращались и позже. Так, Шамякину сделали замечатель-ные дубовые стеллажи. Скорее, шкафы, с дверцами, но огромные – до потолка. Они и сейчас стоят у нас на даче.

Особый разговор о дачах. Первые дачи построили на Нарочи Максим Танк, Михаил Лыньков, Аркадий Кулешов. Дома были деревянными и без всяких изысков, похожие на подмосковные дачи российских писателей в Переделкино, за которые сейчас идет просто яростная драка среди собственно наследников, а также разных союзов писателей, выделившихся из, как говорят, «писательского сталинского колхоза» в начале 1990-х годов.

Вопрос об имуществе оказался чрезвычайно болезненным, поссорившим писателей из одного, казалось бы, идеологического лагеря (те, что в разных идейных лагерях, – уже давно в конфронтации). А ведь эти дачи – сталинские подарки – хозяева, совсем неплохо жившие в них десятилетиями, называли «золотыми клетками». Когда элита была чем-нибудь довольна?

Свой дом в Терюхе мы дачей никогда не называли. Еще когда мои родители после войны работали в Прокоповке Речицкого района и не думали переезжать в Минск, они начали строить себе дом (ветеранам лес выписывали вне очереди).

После переезда семьи в столицу дом переправили на родину мамы – в деревню Терюху под Гомелем. Филат Азарович и мой дядя Коля за несколько лет его доде-лали. Мы стали ездить туда с начала 1950-х годов каждое лето. Это был обычный деревенский, совсем небольшой, дом у речки, правда, с довольно обширным земельным участком, на котором мой дедушка посадил прекрасный сад, поскольку-ку садоводство – в традициях нашей семьи, до революции и в 1920-е годы едва ли не самой богатой в большом селе. О жизни в Терюхе я писала не раз.

Терюха – это близость к земле, к простым вещам, обычным человеческим радостям, привычным для моих родителей с детства. Мы, дети, живя большую

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
часть года в городе, занимаясь в школе, собирая металлолом, катаясь на конь-ках, все же постоянно мечтали о летней поездке в Терюху. Но так же – и наши родители. Шамякин горел нетерпением: скорее взять летний творческий отпуск, бежать от суеты, от борьбы амбиций и зависти коллег, от требовательности чиновников – к настоящей работе, милым людям, истинным ценностям. О маме и говорить нечего: она так до конца жизни и не стала по-настоящему городской жительницей, дамой из «высшего столичного общества». В деревне Шамякиным было легко, свободно, психологически комфортно – они намного лучше чув-ствовали себя среди простых тружеников, чем среди элиты.

Мама много занималась садом и огородом, пока мы – в 50–60-е годы – ездили в Терюху ежегодно и на все лето. После смерти в 1967 году дедушки Филата богатый сад еще поддерживался Николаем Филатовичем, но постепенно зарастал, вырождался, дичал – деградировал тогда не только наш сад, а и все в деревне, в стране...

Мы всегда со жгучим нетерпением ожидали летних поездок в Терюху и не разочаровывались никогда, но все же каждый год нас встречали какие-то не совсем приятные изменения.

Помню наше огорчение, когда в конце 50-х дядя Коля разрушил такую уют-ную печь, на которой мы в дождливые дни и вечера читали «Белого пуделя» Куприна, «Зайку-зазнайку» Михалкова и «Малахитовую шкатулку» Бажова, и соорудил вместо нее банальную грубку: тоже – мода.

Кстати, книг в доме было достаточно много – целый книжный шкаф – родители покупали их в Гомеле, Чернигове, Киеве. Но постепенно книги, как и многое другое, растаскивались, исчезали неизвестно куда. Вообще все мельча-ло, ветшало, никло, а люди вокруг опускались...

Я в последнее время пытаюсь вспомнить, когда, с какого момента началось стремительное движение вниз – под откос, к окончательному нравственному, культурному упадку? Помню, все происходило очень быстро, но что послужило первоотколком, спусковым крючком, причиной? По-видимому, год начала паде-ния – 1960-й или 1962-й: тогда оказался запущенным маховик разложения, ис-ходивший, безусловно, сверху. А вот самые незабываемые, самые счастливые, полные годы – полные именно незамутненными человеческими отношения-ми – пятидесятые.

Терюха еще долго, когда Шамякин стал уже городским жителем и государ-ственным человеком, связывала его с деревенским миром, давала отдых, импульс для труда, материал для творчества. Фактически мои родители до конца жизни оставались душой на своей малой родине (в детстве Шамякин также какое-то время жил в Терюхе, где и познакомился со своей будущей женой).

В начале 60-х годов отца уговорили купить дом в дачном поселке Ждановичи около Минска – там же предложили дачи, построенные горсоветом еще в 1957 году, и некоторым другим писателям: Кондрату Крапиве, Петрусь Бров-ке, Петру Глебке, Ивану Мележу, Пилипу Пестраку. Шамякин дружил с Глеб-кой, видимо, тот и уговорил. Дачи Крапивы, Бровки и Глебки стояли несколько в стороне от поселка, и идти к ним нужно было через лес. Уже в начале 1990-х годов рядом с ними соорудила шикарную дачу гимнастка Нелли Ким, нарушив какую-то сложившуюся гармонию. Какую, не могу сказать, но гармонию.

Самая роскошная дача оказалась у Андрея Макаенка – в поселке № 6, ближе к нынешнему водохранилищу Дрозды (а наш поселок – в нескольких киломе-трах от Заславского водохранилища, называемого Минским морем).

Сначала Макаенок купил дачу просторную, но обычную. По доброте душевной пустил в ней зимой пожить знакомую супружескую пару. Они дом по неосторожности сожгли. Больше всего сам Макаенок и его друзья сожалели о сгоревших художественных произведениях Андрея Егоровича: вырезанной им из древесных корней мебели и элементов интерьера, собственном живописном автопортрете – у него были замечательные способности художника и декорато-ра. Возможно, ему самому стоило бы сделать чертеж и новой дачи. Но он тогда был самым успешным драматургом не только Беларуси – пожалуй, всего Совет-ского Союза, и потому амбициозно заказал эксклюзивный проект у модного архитектора. Дача получилась громадной, современной, но неудобной. Мой отец Макаенку этого не говорил, чтобы не огорчать.

Судьбы больших стационарных дач писателей сложились по-разному, и в большинстве случаев драматично. Как-то наследникам они оказались не нужны. Правда, на нашей круглый год живет моя сестра Лина Ивановна. По соседству с ней и тоже постоянно – дочь Ивана Мележа Лариса с мужем Бори-сом. Но они дачу Мележа полностью, по собственному вкусу, перестроили, благо сами художники и очень мастеровитые. Какие-то дачи уже проданы или достались дальним родственникам. На даче Василя Быкова в том же поселке № 6 в 2014 году откроется музей.

В 1960-е годы многим писателям предоставили возможность построить так называемые садовые домики и выделили участки в 6 км от Заславля. Так возник поселок Взгорье-1, а позднее и Взгорье-2. Сначала были со стороны властей дурные ограничения в строительстве, и потому с ним оказалось связано множество трагикомических перипетий, сатирически отраженных в известной, тогда анонимной, поэме «Сказ пра Лысую Гару». Поэма претендовала войти в анналы белорусской литературы, дополнив травестийные произведения XIX века. Сегодня, когда большинства ее героев уже нет в живых, читаешь, стыдясь за авторов, а вовсе не за карикатурно изображенных героев.

Построенные садовые домики, а на самом деле – дачи, для многих писателей, когда продали Дома творчества в Королищевичах, а потом и «Исlochь», построенную при М. Танке и И. Шамякине, стали настоящим благословением. Ведь заработки ныне такие, что на курорты не поедешь. Домов творчества тоже нет. Золотой век далеко позади. Некоторые творцы, например, ветеран Великой Отечественной войны Алесь Савицкий, живут на дачах подолгу и заряжаются там, на природе, энергией.

Питание

Когда сегодня с пафосом говорят о «магазинах шаговой доступности», приходится только грустно улыбаться. При социализме все магазины были такие. Сошлюсь на центр Минска, так как он известен практически всем читателям.

Было четыре больших гастронома по проспекту Сталина (Ленина, Скорины, Независимости), размещенные близко друг от друга: так называемый «Под часа-ми», далее «Центральный» (они и сейчас есть); ниже – «Купаловский», на пересечении проспекта и улицы Янки Купалы, и следующий – на площади Победы. Довольно большой по тому времени гастроном существовал и на улице Ленина, ближе к площади Свободы. Это район, где жила настоящая элита страны. Каза-лось бы, для нее постарались насадить через каждые двести метров крупную торговую точку. Однако здесь же – всегда полно туристов и людей, приехавших из провинции. Удобно оказалось и для них. Два больших гастронома распола-гались на привокзальной площади. Смутно помню и на площади Ленина, до ее, собственно, создания в начале 1950-х гг. Вообще можно назвать немало мест, где были тогда гастрономы, а теперь – какие-то непонятные бутики, в которые никогда никто не заходит.

Кроме больших магазинов имелись специализированные. Так, хозяйки, жены писателей из нашего дома по ул. К. Маркса, 36, каждый день ходили «за угол», в хлебный магазин по улице Ленина, напротив Художественного музея; в молочный – на углу Ленина и К. Маркса (теперь здесь продают по заоблачным ценам мясо и колбасы); в рыбный – на улице К. Маркса, тоже почти на углу; и несколько дальше – в овощной на пересечении К. Маркса и улицы Комсомоль-ской. Все очень близко, удобно.

Казалось бы, гораздо удобнее нынешние супермаркеты: ведь все собрано в одном месте. Однако это как посмотреть. Поскольку в детстве мне постоянно приходилось бегать по вышеназванным магазинчикам, то я хорошо помню, что очередей в них никогда не было: два-три, от силы пять человек. Это естествен-но, так как ходили туда каждый день, запастись на неделю не было смысла; с буханкой хлеба и батоном, парой бутылок молока любой покупатель обслуживался быстро.

В современный супермаркет каждый день не ходишь: и долго в очереди к кассе стоять, и дорого, и далеко – без машины вообще проблема доставки. Супермаркеты исключительно выгодны их хозяевам, выгодны городским властям и тем жителям, у кого все время автомобиль на ходу. Для пенсионеров – по существу непосильны.

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
Маленькие магазинчики существовали там, где их сегодня и представить себе трудно. На пересечении улиц Красноармейской и Кирова, где ныне здание БЕЛТА, ранее размещалось общежитие пединститута. О студентах позаботились: прямо в этом же здании работал магазин, который в нашем обиходе назывался «На ступеньках». Он был небольшой, забит под завязку, но обеспечивал практически всем необходимым, кроме садово-огородной продукции.

Сегодняшняя продажа овощей и фруктов особенно возмутительна – на фоне того, что помнит наше поколение. В то время фруктово-овощные ларьки можно было встретить на каждом шагу. Помню, например, постоянный на улице Ленина, на подходе к магазину «Молоко». По существу, это были просто столы, заставленные ящиками, и девушкам-продавцам торговать – при разной погоде – было сложновато. Но зато удобно покупателям. Только появились огурцы и редиска – пожалуйста, они на прилавке. Только созрели клубника и черешня – снова-таки ими торгуют широко. Раскупалось все быстро, потому залежалого товара вообще не было. И все, как правило, белорусское, хотя завозилось и украинское, молдавское. Но в основном – белорусское. Не очень гигиенично, совсем (по сравнению с сегодняшним днем) не красиво, но здорово и вкусно. Безвкусную клубнику и ватные яблоки вообразить себе тогда было невозможно.

Довольно долгое время, лет двадцать, все 1960-е и 1970-е годы, полки магазинов были сплошь уставлены консервной овощно-фруктовой продукцией из стран народной демократии. Очень вкусным оказалось венгерское лечо и болгарские компоты из персиков, абрикосов, вишен, груш. Все дешево, доступно, скажем, компот из вишен – 90 копеек, из персиков – 1 рубль 20 копеек (после денежной реформы 1961 года).

Молочного разнообразия, которое запомнилось в 1950-х годах, мы достигли, пожалуй, только сейчас. Не производились йогурты, но они ведь не очень полезны, сладки, зато были фантастически вкусные простокваша, ряженка, топленое молоко, феноменальные сливки, сметана.

В крупных гастрономах открылись отделы по продаже молочного коктейля, который готовился тут же специальными миксерами из молока и мороженого. Пить коктейль необходимо было сразу, пока он еще пышный, пенистый, воздушный. Между прочим, продавался кумыс в таких же бутылках, что и пиво, однако недолго. Молочные продукты в то время – исключительно в стеклянной таре, но разной по размерам. В 1960-е годы появились треугольные кремово-красные пакеты для молока, а затем и прямоугольные. Но вкус постепенно, не сразу, утрачивался.

Вкус сыров также не сравним с нынешним. Особенно любим был клинковый сыр – истинно белорусский бренд. Какой-нибудь голландский тогда и сегодня – небо и земля. Элитарии нередко вояжировали в Вильнюс на электровозе за очень вкусными сырами. Вообще на поездки в Литву долго сохранялась мода: некоторые, далеко не забираясь, прямо у границы делали покупки в небольших городках. Прибалтийские сыры были гораздо вкуснее, чем многие современные европейские. В свою очередь, из Украины и России ездили за продуктами, особенно в 1970-е годы, к «машеровцам».

Некоторым семьям, в том числе и нам, примерно раз в неделю молоко, сыр, творог приносили хозяйки из деревни, по договоренности. Как интеллигенции, так и сельчанам оказалось выгодно (нам носили не менее двадцати лет, уже когда мы и на другую квартиру переехали); но ведь крестьянам потому выгодно, что жилось им совсем не денежно. Вообще эта практика распространилась широко, особенно это касается военных, у которых не было деревенских родственников поблизости, или москвичей, ленинградцев, городских жителей в нескольких поколениях. Им и кабачков носили, и домашнюю колбасу раз в несколько месяцев, и к праздникам яйца, домашний сыр, мед. Заранее договаривались, и люди откладывали деньги на эти покупки.

В начале 1960-х годов пищевая промышленность и торговля стремились к новациям, к разным экспериментам. Производство кумыса, продажа молочного коктейля – такие эксперименты. Кроме того, крупные гастрономы попытались доставлять молочные продукты на дом – бутылки ставили перед дверью. Но не привилось, и неудивительно: кто из продавцов согласится с тяжелыми корзинами лазить по этажам, а домов с лифтами построили еще мало.

До 1960-х годов были в ходу продукты, которые впоследствии практически исчезли. Например, вологодское масло, шоколадное масло. Мы, дети, шоколадное масло на батоне очень любили. В шоколадном масле основой было

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
чистое сливочное масло, смешанное с сахаром и какао-порошком. Сейчас полно похожих продуктов – шоколадные кремы, арахисовое масло с шоколадом, что-то подобное. Их основа – маргарин, обычно очень низкого качества – из пальмового масла. Вкус, говорят, странный, по сути чистый сахар. Вот откуда такое огромное количество больных диабетом!

Творожные сырки в шоколаде тоже в 1950-е годы выпускались, но затем на целые десятилетия из широкой продажи испарились, хотя продолжали производиться.

Торты в то время – исключительно масляные и с виду аляповатые. Но нужно помнить, что тогда не научились прибегать к химическим добавкам, которые держали бы в форме взбитые сливки, более легкие по сравнению со сливочным маслом. А вот небольшие пирожные расходились очень хорошо: подростками мы часто ходили в кафе «Весна», напротив Центрального книжного магазина, и поглощали там с кофе «безе», «наполеон», «картошку», «заварное».

Позднее рядом с кафе «Весна», на бульваре, стала тусоваться «золотая» моло-дежь, к которой мы себя не относили; в частности, об этом вспоминает в своей книге Александр Станюта, профессор, писатель, сын прославленной белорусской артистки Стефании Станюты. А у ее уже очень пожилого отца моя сестра Лина в начале 1950-х годов училась рисованию. Это я насчет многообразия талантов в одной семье. Ведь и внучка Александра Александровича Мелита, правнучка актрисы, в наши дни – талантливая спортсменка, чемпионка. Она явно не поглощает столько сладостей, сколько мы в свое время!

Кондитерский магазин «Лакомка» размещался на проспекте там же, где и сейчас, вблизи ГУМа. Было меньше видов печенья, но сортов конфет – очень много, причем гораздо более дешевых и, конечно же, вкусных. Мы часто покупали «Мишку на Севере», «Кара-Кум», «Белочку», «Птичье молоко». Однако существовали и совсем дешевые сорта – рабоче-крестьянские «подушечки» и любимые школьниками «тянучки».

Сладкая «сахарная вата» продавалась на улице, на углу Ленина и проспекта, под рестораном «Неман». Впоследствии там же именно этот ресторан наладил продажу свежеспеченных булочек, прямо из окна полуподвальной пекарни; в результате по району, центральному «пятакку» Минска, часто витали дивные ароматы.

Мой отец каждый день с работы приносил мне маленькую шоколадку. Где он их покупал – не знаю, скорее всего, в столовой ЦК, что тогда располагалась в двух шагах от Союза писателей, на углу Энгельса и Кирова, в двухэтажном, еще дореволюционном, здании. Будучи молодым преподавателем, я тоже туда ходила на обед, пока весь этот квартал не снесли, когда строились новые корпуса ЦК КПБ.

Память о советском мороженом менеджеры широко используют и сегодня – якобы выпускают по рецептам того времени, даже 1948 года. На самом деле вкус все же не тот. Мороженое тогда продавали прямо на улице в специальных теле-жках. Так же, как и газированную воду: 3 копейки с сиропом, 1 копейка без сиропа. Десятилетие тележка с газировкой стояла на проспекте у входа в Театральный сквер, а напротив нее – мороженщица, к которой мы бегали каждый день. Соки из больших стеклянных конусов продавали не только в каждом магазине, но и во всех буфетах, столовых, кафе.

Конечно, это не очень гигиенично – пить из общих стаканов, есть сахарную вату на улице. Где мыли руки продавщицы пирожков или мороженого? Они же все время возились с деньгами. Сейчас с одноразовой посудой все намного лучше устроено в плане гигиены.

Кстати, о «точках общепита». Критиковали их в каждом номере «Вожыка» и «Крокодила», популярных сатирических журналах того времени, а также в «Фитиле», да и вообще везде. Справедливо. Но это уже начиная с 1960-х гг. А в 1950-е не то что в городе, а в любой деревне имелись чайные – фактически и клубы, причем, конечно, безалкогольные (умышленная алкоголизация населения особенно активно началась при Брежневеве). В каждой такой чайной, в каждой столовой хлеб на столах, соль, горчица и перец стояли всегда, и были бесплатными. Студенты, экономя стипендию, наедались хлебом с горчицей и чаем за 2 копейки.

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
О пресловутой колбасе. Потому «пресловутой», что о ней только и писали перед разрушением СССР: мол, советские туристы, увидев в магазинах за границей сотни видов колбас, падали в обморок. Колбаса во время «перестройки» возвысилась до буквально сакрального символа.

Вот сейчас и у нас несколько десятков сортов колбас. И что, стали счастливей? О генноинженерной сое, химических добавках, излишней солености и изменении к худшему вкуса я уж и не говорю – давно стало банальностью. Вообще плохо есть мясные продукты промышленного изготовления вместо чистого мяса! В те годы у части населения оставались родственники в деревне, а другим по договоренности из сел возили продукты – и это было натуральное мясо, сало, грудинка, домашние колбасы. Возможно, разнообразие сортов колбас было по-настоящему востребовано только небольшой частью столичных элит, теми, кто уехал далеко от своих деревенских родственников, и некоторыми коренными горожанами. Большинство населения имело все свое!

Это правда: из советского времени запомнилось в продаже 5–7 сортов колбас. А зачем, в сущности, нужно больше? Зачем сотни видов шампуней, кремов, губной помады, зубной пасты? Ведь на самом деле они мало отличаются друг от друга – чуть изменен запах, цвет (всего лишь разные красители, ароматизаторы) – и все. А сколько химии, сколько при их производстве использовано чистой воды, которой человечеству катастрофически не хватает, сколько образовалось вредоносных отходов, губящих наше здоровье!

Видя сегодня заваленные разноцветные стенды и полки в магазинах, я вспоминаю пять видов зубной пасты в советское время, но зато «Поморин», «Лесная», «Жемчужная» действительно отличались друг от друга. Так и с колбасой – в три горла ее не запихнешь. Но в то время – дешевая, доступная, полезная, вкусная. Тем более, что в 1950-е годы, до разрушительных реформ Никиты Хрущева, сортов колбас и подобных изделий было на самом-то деле гораздо больше, о чем молчат. Довольно часто в «писательском» доме покупали буженину, ветчину, шинку, грудинку. Позднее, в 1960-е годы, появились не отделы, а магазины кули-нарии. Ассортимент в них, по сравнению с сегодняшним, конечно, небогат, но все же неизменными оказывались антрекоты, лангеты, ромштексы, бифштексы, бефстроганов, цыплята.

Очень любят наши либеральные СМИ вспоминать, как и про недостаток колбас при социализме, «синих тощих кур». Те куры были действительно абсолютно диетическим продуктом, в них практически не накапливалось жира, потому они и выглядели худыми и синими. С них не надо было снимать кожицу – под ней не существовало жировой прослойки, как у современных кур. Советские синие куры рекомендовались для диетического питания, например, приготовления бульонов больным людям, во многих медицинских книгах того времени.

В «лихие» 1990-е появились «окорочка Буша» – американская курятина. Она быстро исчезла, поскольку не раскупалась, хотя стоила очень дешево. Вид окорочков был ужасен и отпугивал покупателей. Это гигантские ноги размером с конечности средней собаки, будто оторванные от монстров из американских ужастиков. Цвет имели желтый из-за феноменальной жировой прослойки – около 2 см! Кроме того, пласты жира обнаруживались и между волокнами мяса. Такого наши люди отродясь не видели. Врачи не знали, как квалифицировать этот продукт. Не могла быть диетической курятина, которая жирнее свинины!

В царской России среднее потребление мяса на человека в год – 11 кг, в СССР – 75 кг, во Франции – 106 кг, в Германии – 98 кг (по Юрию Мухину). Однако элита в СССР потребляла мяса гораздо больше, чем «в среднем».

Перед каждым Новым годом Иван Шамякин и Янка Брыль ездили на «Победах» в Ракон покупать молочных поросят. В 1960-е годы, уже на «Волгах-21», часто отправлялись по субботам на базар в Столбцы. Где-то по дороге (не помню где, но по Брестскому шоссе) заходили в придорожный ресторан: он славился отменным супом с самодельными пельменями и черной икрой, которая там еще оставалась, когда в столице уже из магазинов безвозвратно исчезла.

В 1950-е годы рыбный ассортимент был исключительно богат: сомы, щуки, карпы и разная мелочь прямо в больших аквариумах, полки уставлены банками консервов с крабами. Я в детстве очень не любила консервы «Печень трески». В последующие десятилетия они стали дефицитом. Сама я не помню, но взрослые рассказывали о бочках с икрой в начале 1950-х, которую никто не брал. Рыбу тогда развозили в машинах-цистернах с надписью «Рыба» (были такие же и «Молоко»).

В наше время по буржуазному телевизору нередко издеваются над так называемым рыбным днем (четверг) в советское время. Снова-таки, как всегда, не договаривают до конца, не раскрывают сути дела. Рыбный день введен для пропаганды рыбы, которой было навалом, и она никогда не стоила дороже мяса (селедка – 90 копеек за килограмм, хек – 40 копеек). Рыбный флот на всех морях, окружавших СССР, – тогда был огромен, продукцию рыбаков, тру-дившихся в тяжелейших условиях, нужно было как-то реализовывать. Причем рыбный день вовсе не исключал рыбу в другие дни, а мясо в четверг. И вообще это не советское изобретение, а предложение академика Николая Яковлевича Данилевского в 1909 году, подхваченное Анастасом Микояном в 1930-е годы, но практически введенное в 1960-е.

Еще совсем недавно я радовалась, что остается осколок нашего детства – магазин «Рыба» на улице К. Маркса, и даже с той же оригинальной отделкой цветным кафелем. Все надеялась, что устоит, – ведь это тоже уже дизайнерский раритет. Но нет, не устоял: дух торгашества побеждает любую эстетику, исто-рическую память и здравый смысл. После реконструкции открыли пиццерию. Место полезной рыбы заняли тесто с кетчупом и пиво. И там сейчас сидит молодежь, мои студенты, обеспокоенные лишним весом и плохим цветом лица, поглощая именно то, что к этим проблемам приводит.

А мы в 1950–1970-е годы познакомились и с экзотическими продуктами. Приезжие из русской провинции всегда поражались, что у «машеровцев» в сво-бодной продаже апельсины. Вот для них-то, бедных, это тогда была роскошь. С мандаринами ассоциируется запах Нового года, когда они появлялись в огром-ном количестве, привезенные из Грузии.

В детстве мы буквально объедались мандаринами и так называемыми «рай-скими» яблочками из Крыма: их папа из магазина приносил ящиками.

В какой-то период продавали и бананы, потом в Минске они исчезли, а в Москве в крупных гастрономах можно было приобрести. Помню, мы поку-пали их, как ни удивительно, в киоске Московского зоопарка. Никто сейчас не вспомнит, а в связи с чем Советский Союз вдруг несколько лет был завален бананами. Как мне кажется, это были бананы из Ямайки, в которой в 1970-е годы к власти пришло правительство, взявшее курс на социализм, а потому надеявшееся на помощь от СССР взамен за свои бананы, благо ничего другого предложить не могло. Сегодня бананы – надоевшая реальность, на них и не смотришь. Но в то время все заграничное манило необычайно.

В наше время экзотического фруктово-овощного изобилия появляются публикации о необходимости питаться тем, что произрастает на собственной земле. Не думаю, что это рекламный ход для того, чтобы покупали белорусское. Ведь логически рассуждая, так и должно быть: генетически организм привык к определенной пище – именно той, какой питались предки.

Сегодня количество передач по телевизору, посвященных кулинарии, бук-вально зашкаливает – по каждому каналу и не один раз в день. Кроме рекламы собственно продуктов и кухонного оборудования, а также «элитных» ведущих (все рванули в повара, как и в писатели), преследуется, по-моему, в таких переда-чах еще одна цель: приучение публики к смешиванию различных ингредиентов, добавлению многочисленных специй и приправ – для того, чтобы замаскиро-вать отсутствие вкуса в очень многих, ныне промышленно выпускаемых по упро-щенным технологиям продуктах.

Нередок, впрочем, в таких передачах и политический подтекст, всегда анти-советский, и откровенная провокация. Как прозвучало в мае 2013 года у Ивана Урганта в «Смаке»: «Порубил зелень, как красный комиссар жителей украинской деревни». В ответ – протест Украины. Урганта заставили извиниться. Он с удив-лением извинился, совершенно не поняв – за что: ведь изгаляться над святым, говорить о человеческих трагедиях в манере стеба, снижая любые значимые символы, – норма на российском телевидении. К этому приучают население с 1990-х годов, и уже давно преодолен болевой порог. Вот в Голландии по теле-визору уж пробовали и человечину!

Конечно же, питание сегодня и при социализме отличалось основательно. В желтой прессе, а тем более по буржуазному ТВ, в том числе возмутительно-му белорусскому Первому каналу, принято издеваться над сталинской «Книгой о вкусной и здоровой пище» – якобы манила она советских людей только кар-тинками, в реальности ничего подобного не было. Констатирую – было.

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
Даже я помню.

Поскольку современные читатели вряд ли мне поверят, обращаюсь к свидетелю – известнейшему русскому писателю Владимиру Солоухину, отнюдь не просоветскому деятелю, а монархически настроенному почвеннику, из семьи раскулаченных крестьян, обличителю Ленина. В 1968 году в эссе «Третья охота» он, например, писал: «И вот теперь, когда за витринами магазинов лежат грече-ские маслины, копченая рыба, куропатки и даже мясо кальмаров...» и т. д. Или в его же «Черных досках» из тех же лет: «Так и охотник может купить тете-резов или глухаря в магазине Центросоюза, где продают не только тетеревов, но медвежатину, лосятину, зайчатину и даже торгуют благородными оленями, составляющими, бывало, предмет королевской охоты». Конечно, он имел в виду Москву. У нас вряд ли лежала медвежатина, хотя иногда дичину в магазинах потребкооперации писатели покупали. Напоминаю, что говорю об элите, то есть, по тогдашней терминологии, советской интеллигенции. Хотя и среди крестьян было полно охотников, иногда, чего греха таить, браконьеров.

Мне можно бросить упрек, что, описывая довольно красивый и безусловно сытный быт элиты, я не подчеркиваю, что все это достигалось за счет безмерной эксплуатации деревни. Наоборот, как раз о страданиях деревни и мой отец, и его коллеги-писатели писали очень много. И кстати, улучшения на селе – во многом именно их заслуга, поскольку среди чиновников в то время было немало любителей чтения, и они прислушивались к мнению писателей. Да и просто встречи литераторов и представителей власти случались часто. Иван Шамякин и Андрей Макаенок или Шамякин и Максим Танк по четыре часа беседовали с Машеровым, к которому заходили запросто. Снова подчеркиваю: они не «прикорытники», а искренние радители, как и тот же Машеров, о благе народа – всего народа, не «элит», не олигархов.

Я наблюдала, как постепенно богатели сельчане, но в 1950-е годы даже в довольно близкой (20 км) от крупного областного города Терюхе жили еще очень бедно. Не хватало денег на покупку посуды, тканей, мебели, тем более мотоциклов и машин, которые появятся в 1970-е годы. Но не голодали. На земле невозможно голодать, если не лениться.

И наша семья, и друзья отца очень любили деревенскую еду, особенно из печи, которой угощали мамыны родственники: летний борщ, или холодник; каши – гречневая с салом, пшенная с тыквой; яичница со шкварками; оладьи и толстые блины – они у моих тетушек получались фантастически вкусными; кисель из разных ягод. Самое незабываемое впечатление детства: собранная собственными руками лесная земляника, залитая молоком, посыпанная сахаром. Практически каждый день на столе в деревне – рыба, грибы, творог с разными ягодами. Да, не разносолы, но еда полноценная и здоровая.

Естественно, и городские жители, выходцы из села, еще в значительной мере сохраняли привычки деревенские. Во многом это было обусловлено тем, что у большинства наших знакомых в деревне оставались родственники. Напри-мер, нам к каждым праздникам родные обязательно привозили свежатину, ово-щи и фрукты.

Чем запомнился праздничный стол 1950-х годов? Прежде всего, большим количеством разных маринадов. Шинкованную капусту на зиму мы ставили всегда – вплоть до конца 1990-х годов, до смерти мамы. Впрочем, и сегодня моя сестра Олеся с мужем Сергеем традицию сохраняют. В те далекие времена моего детства женщины из «писательского» дома любили по осени угощать друг друга свежеприготовленной капустой – она действительно у всех получалась на удивление разной.

На балконах в бочечках, сделанных руками дедушки Филата, у нас стояли моченые яблоки антоновки, маринованные грибки и огурцы. И все это служило закуской перед основными блюдами. Всегда много варилось варенья, сушились боровички. Кстати, из них мама делала свое фирменное блюдо, обожаемое нами и всеми коллегами отца, – грибную икру.

Среди других закусок на праздники назову салат из крабов, салат из печени трески, замечательный паштет из говяжьей печени, вареную свеклу, залитую жареным луком, неизменную селедку «под шубой».

Иронически упоминаемый в наше время, когда говорят об СССР, – «оли-вье» – появился позже, как предвестие нынешних разнообразных салатов.

Однако и в 1980-е годы, кроме уже банального «оливье», мы на праздники гото-вили «Шапку Мономаха» с огромным количеством ингредиентов, среди которых курага, чернослив, грецкие орехи. Еще у нас дома нарезались помидоры, причем разного цвета, и слоями между ними укладывался тонко нарезанный лук, поли-тый кукурузным маслом. Получался специфический вкус и помидоров, и мари-нующего в их соке с маслом лука.

Обязательно варился холодец (у нас назывался «холодное»). Много разной рыбы – семга, палтус, осетрина. Часто, даже в будние дни, готовился варе-ный язык, делались котлеты из индюшатины. Естественно, множество других мясных блюд – сальтисон, домашняя колбаса, ветчина. Окорок мама на Пасху запекала целиком, нашпиговав чесноком. На Новый год – поросенок с хру-стящей корочкой, совершенно в духе народных традиций, еще языческих – славяно-германских. Летом – фаршированный мясом запеченный кабачок. Обычно говорят, что пироги с разными начинками – визитная карточка рус-ской кухни. Но думаю, это также общеславянская традиция, дошедшая до нас из глубокой древности. На Пасху всегда пекли куличи и красили яйца луковой шелухой. В семье моего мужа, русской, но жившей после войны в Беларуси, в кулинарии сохранилось гораздо больше истинно русских предпочтений, ска-жем, очень частыми были именно пирожки, пироги, оладьи, гораздо реже, чем у нас, готовились салаты.

В нынешнее время мои дочери делают десятки одних только салатов, в том числе с экзотическими овощами и фруктами, типа авокадо. Конечно, такое раз-нообразие несколько десятилетий назад трудно себе представить. Но и на Западе всякая экзотика в то время не была так уж распространена. Глобализация в еде развивалась на наших глазах. И это не может не радовать (если бы не генная модификация и разные химические добавки).

В то же время поражает деградация, даже утрата культуры национального застолья. Ведь в 1950-е годы обеды обязательно состояли как минимум из трех блюд. Мама не представляла стол без супа, борща, летом – окрошки, холодника. И у нас, и у наших соседей, у кого были дети, не мыслились трапезы без сладко-го – компота, киселя, мусса, самодельного печенья или пышек, печеных яблок и груш, персиков из болгарского компота, в крайнем случае, варенья.

Алкогольные напитки никогда не выставлялись на стол в бутылках (счита-лось дурновкусием) – их обязательно разливали в разнообразные хрустальные графинчики. Суп – в супницы, соус – в соусницы. В каждой семье были серви-зы с большим количеством посуды разных форм. Невозможно себе представить, чтобы селедочку выложили не в специальную селедочницу.

И завтракали, и обедали у нас в семье все вместе – за круглым столом, чистая скатерть на котором – обязательна. Центральная, самая большая комната, называлась не гостиной и тем более не холлом, а столовой.

Однако по мере нашего взросления и все большей занятости родителей все это как-то постепенно исчезало, улетучивалось, мельчало. Да и не только у нас. Жизнь еще не хаотизировалась и не опошлится до такой степени, как сейчас, но становилась все менее ритуализированной. Хотя в брежневские времена еще полно было свободного времени – для путешествий, созерцания природы, чте-ния, встреч с друзьями. Я – тогда уже доцент – такого жуткого гнета чинов-ничества на нас, преподавателей, не чувствовала. Потому, кстати, и хотелось творить, экспериментировать – энтузиазм не затухал.

Но я о другом. Откуда была первоначальная культура застолья у тогдашней элиты, бывших деревенских парней и девчат, пусть даже они и переселились довольно рано в города? Конечно, что-то подсмотрели, будучи в гостях у русских, украинских, польских коллег. Да та же «книга о вкусной и здоровой пище» эту культуру прививала – вот ее настоящая функция. И все же, думаю, культура питания, в том числе сервировка стола, принесена именно из деревенского дет-ства. У зажиточных крестьян, как семья моей мамы, она укоренилась и оказалась сохраненной в трудные годы. А вспомним описания застолий в «Новой земле» Я. Коласа. Не такие уж сермяжные наши предки!

Каждая семья могла похвастаться своими фирменными блюдами. Они же – и любимые. Поскольку я часто обедала у своей подруги Луды Карповой, как и она у нас, то упомяну о еде в их доме, во многом типической для писательской общины.

Нередко, как и мы, Карповы готовили драники, которые поливали сме-таной или подливой с грибами. Вообще грибы – конечно же, не шампиньоны, а самые разные лесные и в разных видах, – водились практически в каж-дом доме. Добавление грибов ко многим блюдам – специфика именно бело-русской кухни.

Мария Михайловна Карпова часто готовила и картофельные зразы с начин-кой из мясного фарша, а также кисель из овса с молоком. Как и у нас, в их семье – неизменные котлеты с гарниром из разных каш или с картофельным пюре. Владимир Борисович любил суп с бараниной – ее чаще всего приходи-лось покупать на рынке. Снова-таки его пристрастие не случайно, поскольку Карпов не белорус, а русский, а в России в степной зоне баранина привычна. У нас не готовилась никогда.

На праздники Мария Михайловна всегда удивляла изумительной фарширо-ванной щукой по еврейскому рецепту. И еще она делала роскошный торт «Напо-леон», который начинала готовить за три дня до праздника.

У ее соседки Клавдии Ходкевич, жены писателя Тараса Ходкевича, коронное блюдо – голубцы. Когда она их готовила, потрясающий запах шел по всему дому. Точно так же при приготовлении Лидой Киреенко пастилы из разных фруктов: почему-то она варила не варенье, а именно пастилу, которую мы, дети, называли карамелью.

Нет, нельзя назвать в детстве наш стол убогим. А вот позже, уже взрослыми семейными людьми, если мы с братом не заходили обедать к маме, то перебива-лись вот именно колбасой, покупными пирожками или булочками с кофе.

Искусственно поддерживаемый дефицит принуждал гоняться за тем, что как раз не было полезным, – за твердокопченной колбасой, растворимым кофе, шпротами. Все это в свободной продаже отсутствовало, но почему-то в каждом доме водилось.

Сейчас ясно, что уже тогда отрабатывались методы создания разного рода дефицита, чтобы в конце 1980-х годов, во время горбачевской «катастрофки», сделать его тотальным и тем самым дискредитировать идею социализма.

Оскудение стола советских людей специалисты связывают с разными при-чинами. Скажем, со значительной урбанизацией – процессом во многом объ-ективным. В самом деле, когда сельское население после войны составляло более 60 %, ему городскую элиту прокормить было легче. В 1960-е годы молодежь из деревни массово устремилась в города (вспомним «Сено на асфальте» Михася Стрельцова). Повысились запросы. Стало на всех не хватать.

Однако главная причина, о которой сегодня пишут многие специалисты, – волюнтаризм, невежество Н. С. Хрущева. Ведь многие продукты насовсем или на какое-то время стали исчезать именно при его правлении. А причины их исчезновения? В 1959 г. личный скот призвали сдавать в колхозы, а приусадеб-ные участки практически уничтожили, либо же на них установили непосильные налоги. Мгновенно оскудели рынки и магазины сельской кооперации. Вот тогда в магазинах появились первые на моей памяти очереди.

Тогда же, в конце 1950-х гг., в Новосибирском Академгородке была создана под руководством академика Аганбегяна команда из молодых специалистов для разработки концепции ликвидации «неперспективных деревень» (согласно исто-рику Владимиру Карпецу). Скоро этот процесс – ликвидации, укрупнения – принял лавинообразный характер: в маленьких населенных пунктах закрывались школы, магазины, не проводились электричество и газ.

Сегодня о начале уничтожения деревни при Хрущеве молчат, но это – главное, и это катастрофа. Всем памятна эпопея с кукурузой. А стоит вспом-нить и дурацкое создание совнархозов, нарушивших всю систему управления хозяйством. В 1960 г. были практически полностью уничтожены промартели и стали проявляться негативные последствия распашки целинных земель. В 1962 г. обнаружился недостаток белого хлеба. Наша мама бегала в кафе или в соответствующие отделы гастрономов, брала кофе с булочками, чтобы при-нести их детям.

С 1963 г. СССР стал покупать пшеницу в США. Правда, с конца 1960-х гг., после негласного договора о признании советским правительством полета

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org аме-риканцев на Луну, нам стали продавать зерно в два раза дешевле, чем на миро-вом рынке. Я это связываю именно с «лунным проектом». Хотя бы додумались какую-то пользу извлечь – уже при Л. И. Брежнев и белорусе Андрее Громько, министре иностранных дел, по прозвищу «господин “нет”»! А Н. С. Хрущев – проводник как раз либеральных экономических реформ, и как видно с «высоты» нашего времени, – совершенно разрушительных. Но за это его и любят нынеш-ние либералы, отцы которых от «хрущевской оттепели», главного антисоветского мифа, больше всех и получили. Простому человеку стало только хуже.

Отдых

Сложно назвать писателя, который не любил бы читать. Впрочем, чтение для литератора – не отдых, а работа. Чтение вообще – работа, в отличие от про-смотра телепередач, кино, созерцания картин и скульптур.

Наилучший отдых – путешествия. Во многих поездках писателям приходи-лось выступать, участвовать в нудных заседаниях, а все же сама дорога, знаком-ство с иной природой, культурой, людьми невероятно обогащает духовно и дает разрядку от унылой повседневности.

Куда и как ездили элитарии в советское время? Начнем с поездок по миру. Ужасы сталинизма, в том числе в запретах на выезд, – жупел для тех, кто не знает настоящей истории, ее феноменальных парадоксов, сумасшедших про-тиворечий, безграничной сложности, фантастического переплетения причин и следствий.

В 1920-е годы ездили за границу многие. Владимир Маяковский еще не счи-тался «самым талантливым поэтом эпохи», но каждый год путешествовал то во Францию, то в Америку, где у него родилась дочь.

Для некоторых творческих работников, как и для партийных руководите-лей, нормой считалось ездить лечиться на курорты Европы. Да, вояжировала за границу элита. Но и сейчас простые люди не ездят лечиться за рубеж, а лишь избранные, очень и очень немногие!

В 1933 году, то есть уже при фактической власти Сталина (в 1920-е годы о ней говорить еще нельзя, о чем, кстати, молчат), писатели Илья Ильф и Евгений Петров вместе с художником Борисом Ефимовым путешествовали вокруг Европы и посетили Америку. Илья Эренбург, автор термина «оттепель», постоянно жил во Франции, хотя считался советским гражданином. В 1930-е годы активно колеси-ли по миру Александр Фадеев, Константин Федин, Федор Гладков, Исаак Бабель, Валентин Катаев, Валентин Никулин, Александр Киришон и многие другие.

Белорусские писатели выезжали в 1935 году в Париж, причем Я. Коласу он не понравился.

Вырваться работать за рубеж тогда и вправду было сложно, но для насто-ящих талантов возможно. Биолог Николай Вавилов объездил весь мир, был в 180 (!) международных экспедициях, добывая разные растения для ботаниче-ских коллекций. Какая фантастическая уйма денег ушла на его экс-педиции! Его репрессировали, но мало кто знает – за что.

Физик Петр Капица, проработав более десяти лет в Англии, в 1934 году при-ехал в СССР. Снова за границу его и правда не пустили, предоставив, однако, наилучшие условия для работы и жизни (сохранились воспоминания). А генетик Николай Тимофеев-Ресовский так и проработал два десятилетия в нацистской Германии.

В то время – приоритет общественного долга, а не личного хотения. А долг требовал отдавать свой талант родине.

Конечно, все сложно, неоднозначно. Ясно, что денежные люди, какой-нибудь Николай Рерих с его мировым именем, собственный дом, как в Индии, вряд ли имел бы в СССР, потому и не возвратился, а вовсе не потому, что боялся Сталина (сын художника, ученый Юрий Рерих вернулся в Советский Союз в 1950-х гг.). Николай Константинович слишком заботился о здоровье (полезно жить в горах), привык к комфорту (чтобы обязательно были слуги из низших каст).

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
Они все любили комфорт – потому за него и продавались: писатели, артисты, спортсмены. А вот былой славы, такой, как в СССР, за границей никто из них – Виктор Некрасов, Андрей Тарковский, Савелий Краморев, Олег Видов, Елена Соловей, Родион Нахапетов, фигуристы Белоусова и Протопопов – не имел. Сегодня умненькие, типа Евгения Евтушенко, Андрона Кончаловского, Михаила Задорнова, колесят туда-сюда, чтобы здесь, не дай бог, не забывали.

Ныне чрезвычайно модный русский писатель Захар Прилепин пишет в статье «Сортировка и отбраковка интеллигенции» (2013): «А. Тарковскому было невыносимо в СССР, и он уехал. Почему в этой ситуации нельзя вообразить Шукшина? Они же в одной стране жили, и были великими режиссерами». Почему уезжал Василь Быков? Смешно ведь говорить, что его здесь травили. Но бытовые условия в 1990-е годы для всех были не очень комфортные. И почему живет за границей поэт Алесь Рязанов, мой однокурсник? И зная его, я могу ответить – почему. Однако повторяю: все сложно, люди – разные, осуждать никого нельзя, но указывать на эту разность – стоит. Потому что интересно, когда люди разные.

Во время Второй мировой войны многим, кто служил в армии, простым белорусским парням, пришлось увидеть Европу. Например, мой отец дошел практически до Берлина – его контузило в 30 км от столицы Германии в последние числа апреля 1945 года. Но затем он еще более года находился в стране и даже неплохо выучил немецкий язык – так, что потом его преподавал. Притом, если демобилизовавшиеся воины тащили из поверженной Германии различное барахло, то Шамякин вез два мешка книг – исключительно книг. У других бывших солдат, даже наших родственников, мне приходилось видеть вывезенные из Германии вещи.

Но вот после речи Уинстона Черчилля в Фултоне в 1946 году опустился «железный занавес». Его причина – даже не столько идеология, сколько финансы. Сталин отказался подписать Бреттон-Вудские соглашения 1944 года, по которым доллар становился мировой валютой – задержал, негодяй, победное шествие по миру доллара, вплоть до развала СССР. Но все же холодная война началась, и не Советский Союз ее провозгласил. При этом миф о «железном занавесе» – один из самых распространенных, которым усердно пичкают молодежь, так что она совершенно уверена, что советские люди жили как бы за стеной, типа Берлинской (недаром о ней так много разговоров), ничего о жизни на Западе не знали и, конечно же, никогда туда не ездили. Поскольку с молодыми я работаю, то знаю совершенно точно, что именно так они себе «железный занавес» и представляют.

А что было на самом деле? Действительно, деловые люди не ездили далее стран народной демократии и государств так называемого третьего мира. Но это ведь половина планеты! Почему забывают о том, что советские специалисты строили огромное количество предприятий, иных объектов в странах Африки и Азии. И получали за это неплохие деньги, на которые приобретали квартиры в СССР! А сейчас – тратят деньги на поездки, чтобы жариться на солнце, оставляют заработанное на родине в чужих странах.

Например, советские инженеры и рабочие возводили одну из величайших в мире – Асуанскую плотину на Ниле в Египте. Когда в 1970 году президент Египта Анвар Садат, придя к власти после неожиданной и крайне подозрительной смерти своего предшественника Гамаль Абдель Насера, выгнал, чуть ли не в 24 часа, всех советских специалистов, речь шла, помню, о десятках тысяч человек, да еще с семьями.

А строили же и мощные комбинаты, железные дороги, порты в Китае, Индии, Вьетнаме, Бирме, Анголе, Сирии, на Кубе, да где только не строили! В некоторых странах Латинской Америки наши геологи помогали в разведке полезных ископаемых. Ясно, что это все – не державы первого ряда, но нахождение во многих из них – странах с высокой, даже величайшей, древней культурой, конечно же, развивало советского человека, открывало широкие горизонты, стимулировало процесс мышления.

Ездили за рубеж и с другими целями. Как известно, Сталин настоял, чтобы Белоруссия и Украина, кроме собственно СССР, стали членами ООН. Поэтому с самого начала существования этой международной организации, на сессии, которые продолжались четыре месяца, всегда вместе с дипломатами ездили наши писатели. Очень часто – Петрусь Бровка, Петр Глебка, Михаил Лыньков. Один раз, в 1963 г., и Иван Шамякин. Он видел Джона Кеннеди за несколько недель до убийства президента, и, кстати, молодой лидер США моему отцу, чисто

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
по-человечески, понравился. Однако больше в Америку Шамякин ездить отказывался, хотя и предлагали. Но зато поездили многие другие писатели, даже моя одногод-ка и однокурсница, замечательная поэтесса Женя Янищиц.

Естественно, колесили по мировым гастролям советские театры, ансамбли, хоры. Театр оперы и балета, цирк, кукольный театр, ансамбль народных инструментов под руководством Иосифа Жиновича, «Хорошки» и другие белорусские коллективы ежегодно выезжали за рубеж. Некоторые прославленные ансамбли из России – «Березка» под руководством Надежды Надеждиной, ансамбль танца под руководством Игоря Моисеева – вообще в родной стране почти не гастроли-ровали, постоянно находились в зарубежных поездках; в СССР, пожалуй, только за наградами приезжали.

В различных престижных спортивных соревнованиях обязательно выступили советские спортсмены, хотя впервые СССР участвовал в Олимпийских играх, начиная с 1952 года. Имеют ли вообще нынешние молодые люди представление о выдающихся успехах советских спортсменов: хоккеистов, фигуристов, легкоатлетов, тяжелоатлетов – скажем, Юрия Власова, и борцов – нашего Александра Медведя (кумиром Арнольда Шварценеггера был именно Власов)?

Суммируя все выше названные группы, а также дипломатов, получим сотни тысяч выезжавших за рубеж работать.

Я говорю о работе за рубежом, имея в виду, что там же и отдыхали. Собственно туристические поездки не были распространены так, как сейчас. Но забывают один существенный момент: они не были распространены и в мире. И понятно, почему. Только что закончилась страшная, опустошительная, жесточайшая мировая война. Везде, кроме США, – даже в богатой, грабившей свои колонии Великобритании, восстанавливали разрушенное, жили бедно, трудно, фактически выживали. Вспомним итальянские фильмы неореализма: как невероятно сложно приходилось простым людям. Не до поездок. А в Великобритании – согласно романам Агаты Кристи того времени – затянула ту же пояса даже элита, задушенная непосильными (до 70 %) налогами и карточками, отмененными, кстати, на несколько лет позже, чем в Советском Союзе.

Тем не менее как раз в СССР писатели и другие творческие работники выезжали довольно часто. Это были дни культур, недели советского кино и литературы, форумы сторонников мира, конференции, а фактически – знакомство с той или иной страной.

Художники, например, дружившая с нашей семьей Нелли Счастливая, за рубежом нередко проводили и свои выставки. Еще в 1950-е годы отец и его коллеги – именно в составе делегаций – побывали не менее чем в двадцати странах. Дальше – больше. Янка Брыль и Олег Лойко посетили даже Индию. Многие, кто легок на подъем, объездили полмира. Скажем, председатель Союза писателей Беларуси Максим Танк.

В социалистические страны Шамякин, как и многие другие литераторы, выезжал регулярно, фактически ежеквартально – в Польшу, Чехословакию, Болгарию, ГДР, Румынию, один раз был в Югославии. Из капиталистических стран особенно часто мой отец посещал Финляндию и Бельгию.

И вот что значит белорус. Ведь с финнами Шамякин воевал почти всю войну. Немцы-летчики, за которыми охотился зенитчик Шамякин, – для него довольно далекая, в небе, абстракция. А с финнами на Карельском фронте приходилось не раз встречаться лицом к лицу. Они были невероятно жестоки, коварны, вероломны, злее немцев. Но после войны Шамякин, очарованный любезным финским приемом, все постарался забыть, простил. А в Бельгии и вообще завел друзей из русских эмигрантов.

На курорты Болгарии профсоюзы многих белорусских предприятий просто силою посылали своих работников. И не элиту, а простых рабочих на заводах, лучших колхозников. Ну, ладно Болгария. Она считалась почти советской республикой. Но Иван Мележ с женой путешествовали вокруг Европы, мои родители – на теплоходе по Дунаю (семь стран), и все в начале 1960-х годов.

Моя сестра Лина в 1960 году по туристической путевке месяц провела во Франции. Она выбрала именно Францию, поскольку в то время училась на французском отделении Института иностранных языков. Скажут, как же, дочь Шамякина, могла себе позволить! Но она же была не одна, а группы форми-ровались регулярно. Кстати, во Франции она, благодаря хорошему знанию

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
французского языка, познакомилась с Пабло Пикассо и его семьей, имеет его автограф.

В 1961-м или в 1962 году группа белорусских писателей, также по туристическим путевкам, путешествовала по Франции. Тогда произошел трагический случай. Один из писателей – Всеволод Кравченко, женатый на сестре Пимена Панченко, в парижском отеле покончил жизнь самоубийством – выбросился из окна, оставив сиротами трех детей. Вообще версии его совершенно непонятной смерти распространялись разные. Может, и не сам выбросился... Темное дело. Тем не менее поездки продолжались.

Это «железный занавес»? При том, что книг о других странах, скажем, журналистов-международников или ученых, часто иностранных, выходило множе-ство. Я эти книги собирала – так что имею материальные свидетельства, могу предъявить.

А наша детская переписка с одноклассниками из самых разных государств, клубы интернациональной дружбы? А Юрий Сенкевич, который снимал чрезвычайно популярный на ТВ «Клуб путешественников» буквально во всех странах мира, – его как отпускали? Также много ездил Николай Дроздов, бессменный, в течение сорока лет, ведущий программы «В мире животных».

Проще говоря, если человек хотел знать о других странах – он знал. Вот именно знал, а не пробавлялся изредка, когда возникает срочная необходимость, информацией из интернета. Но разве обывателям нужно было «забывать голову» знаниями? Совсем другое им нужно – потому и талдычат ныне про свое. Работать на Западе за как можно большие деньги и там же жить, отдавая за квартиру половину заработанного, – вот заветная мечта. Главное, как считается, – свобода. Что это – никто на самом деле толком не знает. Про внутреннюю свободу им лучше не рассказывать. И не важно, что разные законодательные ограничения появились на Западе еще раньше, чем у нас. Важно про свободу постоянно вещать, и вот в ней все совершенно уверены. Тем более наши обыватели. Ну, дали вам европейцы или канадцы возможность устроиться у себя, – у западников, кстати, тут свой интерес. Но не нужно думать, что это долго продлится: уже сегодня в западных странах полно лихих людей, даже белых. Во время последнего финансово-экономического кризиса выкидывали на улицу коренных американцев – что уж про эмигрантов говорить. И в Германии, Франции машиностроительные заводы сокращают не только приезжих, а и своих. Пожаров, свободных мест ни для кого нет. Даже мест посудомоек скоро не будет. Экстравагантный писатель Эдуард Лимонов, в прошлом эмигрант на Западе из СССР, это хорошо показал.

Не буду спорить, что мечта о заграничье во многом была обусловлена возможностью привезти тамшние тряпки или аппаратуру. Не понимаю, как я обходилась отечественной... Но все же и импорт существовал. Я уже писала о прекрасных вещах из Китая, которые своей красотой и долговечностью намного превосходят нынешний китайский ширпотреб. Есть у меня несколько высокохудожественных вещей из Египта и Индии, купленных в Минске еще в 1960-е и 1970-е годы (торговали с дружественным Насером и руководящей индийской семьей Неру-Ганди). О продуктах из Венгрии, Болгарии, других соцстран я писала. С удовольствием мы покупали игрушки из ГДР, начиная с 1950-х годов. Когда в 1979-е годы заработала «труба» и пошли «газовые» деньги, за них приобретались товары уже из западного мира, например, обувь из Италии, пальто из Бельгии, косметика из Франции (духи «Ив роше» и «Клима» – по 40 рублей, тушь для ресниц – 7 рублей; очень дорого, но никто денег не жалел).

Импорт шел чрезвычайно высокого качества. Не все, конечно, что хотелось бы, и не в таких объемах, как хотелось бы. Но как-то доставали. «Достать» – модное тогдашнее словечко. Были свои парадоксы времени. Но когда и где их нет?

Говоря о «железном занавесе», необходимо иметь в виду, что все лучшее из западной культуры мы получали сразу же и были в курсе мировых модных тенденций. Скажем, в одежде. Журналов мод в газетных киосках продавалось не меньше, чем сейчас, правда, все из стран народной демократии – болгарские «Лада» и «Божур», польские «Урода» и «Женщина и жизнь». Очень следил за мировой модой эстонский «Силуэт» – хотя советский журнал, но самый «продвинутый». Немецкий журнал «Бурда» свободно не продавался, но с ним можно было познакомиться в библиотеке. Часто наши «Работница і сялянка», «Работница», «Крестьянка» (да, названия характерные) перепечатывали

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
выкройки из «Бурды», а это и нужно было советским женщинам, так как многие тогда шили сами. Журналы по дизайну широко пошли в 1980-х годах, в том числе даже фран-цузские. А в предыдущие годы я выписывала журнал «Декоративное искусство СССР», в котором, в отличие от «Архитектуры СССР», цензура и не ночевала: проповедовался исключительно модерн и все зарубежные новации. Как я чуть попозже поняла, приучали советских людей завидовать западному, одновременно размывая эстетические критерии.

В 1950-е годы, действительно, в дефиците были пластинки модных западных певцов типа Элвиса Пресли, вот тогда-то их и записывали на рентгеновские снимки. В этом свой шик! Как и в стилягах, которых нигде, кроме СССР, не было, – это наше культурное достояние, а вовсе не свидетельство бедности! Ведь многие стилигги шили сами, комбинировали с фантазией, со вкусом. Нередко сотворенные ими выглядело намного лучше, чем у героев зарубежного кино и писклявых музыкантов, которым наши пытались подражать. Получалось, что подражатели – лучше оригиналов! Впрочем, советские сатирические журналы высмеивали, видимо, правильно, и непроходимую пошлость стилигг, типа их галстуков с обезьянками. Нельзя не вспомнить, как мгновенно отреагировала и промкооперация: артисты сразу же стали выпускать подобные галстуки и мужские туфли на невероятно толстой подошве – микропорке, что тогда считалось писком моды.

Нынешнюю молодежь убедили, что при социализме постоянно был дефицит музыкальных записей. Но уже в 1960-е годы я совершенно свободно покупала виниловые пластинки с зарубежной эстрадой, записями опер. Кстати, мои кол-лекции помогли бы опровергнуть многие нынешние мифы, например, о «гонимых» на Владимира Высоцкого. А его большие диски 1970-х годов, выпущенные в государственной фирме «Мелодия», свидетельствуют о чем? Как и его вояжи по миру с женой Мариной Влади. Они и в Минске прогуливались, встречали мы их на проспекте, когда Высоцкий снимался на «Беларусьфильме» в ленте по роману Алеся Адамовича «Война под крышами».

Приезжали с гастролями, в том числе в Минск, действительно, мировые знаменитости, настоящие творцы, а не козлоголосые бездари: Поль Робсон, Има Сумак, Мирей Матье, Лолита Торрес.

На московские кинофестивали съезжались вообще все мировые звезды. Советские кинофильмы – «Большая жизнь», «Летят журавли», «Баллада о солдате», «Сорок первый», «Война и мир» – тогда получали самые престижные премии на международных кинофестивалях. Все советское было невероятно популярно в мире, и западная элита премиями угождала общественному мнению. Сегодняшние слюнявые рассказы некоторых артистов о том, как сложно добылись платья, чтобы ездить за границу, на форумы или на гастроли, – вообще – то неправда. Я регулярно выписывала «Советский экран» и видела: советские очень часто выглядели лучше, чем зарубежные звезды. Видимо, им шили крем-левские портные. Нередко звезды проговариваются и хвастаются, что оказывались в самых оригинальных и роскошных нарядах. Конечно, трудно и дорого быть лучше всех, вот у них и остались воспоминания о сложностях.

«Железный занавес» существовал (и то относительно, учитывая, сколько людей ездило за рубеж), чтобы не пропускать в СССР разную погань. Да, порно-графию и ужастики не покупали. А мировые шедевры кинематографа нам были хорошо известны. В Минске, а не где-то еще, я посмотрела все великолепные киноленты итальянского неореализма. Кто сегодня о нем знает и помнит? А ведь ярчайшая страница мирового кино.

Очень много в СССР покупали французских мелодрам («Мужчина и женщина», «Шербургские зонтики») и комедий («Закон есть закон», «Замороженный», «Великолепный», «Человек-оркестр», «Дьявол и десять заповедей», три серии «фантомаса» появились в прокате еще в 1960-е годы, причем зрители не поняли, что это пародия). Индийское кино – невероятно популярно, кумиром советских женщин был Радж Капур, позднее – Метхун Чакроборти. Немецкие киноленты, из ФРГ, покупались антивоенные, типа «Привидений замка Шпессарт». Запомнились отдельные киноленты из Греции, Испании, Великобритании. Лучшие гол-ливудские («Анна Каренина», «Моя прекрасная леди», «Вестсайдская история») были широко известны.

Есть еще один аспект проблемы, о котором молчат. О возможности легко, за копейки, ездить по собственной стране – огромном СССР. И что, любознательным людям не было на что посмотреть? Разве вся прелесть природы и шедевры искусства только на Западе?

Я объездила Советский Союз не за родительские деньги, а за собственную стипендию и зарплату преподавателя. В многочисленных советские музеи какое-то время невозможно было попасть из-за километровых очередей. Вот с начала 1990-х годов даже в Москву съездить доценту уже стало проблемой. Начали ездить совсем другие люди, и не в музеи. Что ж, каждому – свое. И, видимо, для каждого – свое время. Только не нужно обманывать молодых, к месту и не к месту оплевывая СССР.

Разве не стыдно нашим журналистам и интеллектуалам по любому поводу, о чем бы они ни говорили, вспоминать недобрым словом времена социализма.

Мученики наши! Как же тяжело им, бедным, жилось! Только имели бесплатные квартиры, дачи и машины, каждый год ездили на курорты, издавали свои книги, получали совсем не копеечные, как теперь, гонорары, а также научные степени, звания, премии, прочие награды. Но это же так мало! И потом, туалетную бумагу невозможно было достать, а колбасы – всего-то пять сортов! Ну не мука ли?!

Если серьезно, то все, кто считает себя элитой, должны бы знать, что элита – настоящая элита – всегда жила трудно. Но только в трудностях происходит любое развитие. Ударил жизнь по советской элите. Ударит и по нынешней. Нужно достойно принять свою судьбу. Но мучились ведь в основном от зависти – к своим более успешным коллегам (названным «прикорытниками») и к западным обывателям. В любом случае поносить прошлое своей страны – прошлое сложное, драматическое, но и героическое, – для элиты пошло, низко, позорно!

...По своей стране писатели, художники, артисты ездили часто и чрезвычай-но охотно. Один белорусский художник даже рассказывал своему другу Шамякину, что над сибирским озером, куда приехал на этюды, он видел НЛО с лучом, прощупывающим воду. Не поверить солидному человеку мой отец не мог, хотя в инопланетян, конечно же, абсолютно не верил, тем более тогда (дело было в 1970-х). Не знал, что думать.

В те же годы, 1970-е, у меня, молодого преподавателя, была приятельница-коллега с кафедры славянского языкознания Наташа. Бывшая ленинградская студентка, она так восхитилась неординарностью мышления нашего историка Вячеслава Зайцева, что вышла за него замуж, хотя он был на тридцать лет старше ее.

Вячеслав Зайцев – личность в то время очень известная в белорусских академических кругах. Он горячо, страстно и где-то даже убедительно отстаивал версию о прилете на Землю инопланетян или же о существовании на планете цивилизаций задолго до нашей – допотопных. Его даже показал в своем всемирно нашумевшем фильме «Воспоминания о будущем» небезызвестный Эрих фон Деникен. (Кстати, фильм этот тогда же купили, и попасть на него было невероятно трудно.) В конце концов Зайцеву предложили либо отказаться от своих экстравагантных взглядов, либо положить партбилет на стол. Он положил партбилет и ушел в монастырь где-то в России. А Наташа вернулась к родителям в Ленинград. Вот такие интеллигенты тогда тоже были. Об идеях Зайцева, о научных увлечениях и паранаучных суевериях советской интеллигенции я надеюсь написать в отдельной работе, поскольку сама в большой степени – их продукт.

Я часто рассказываю студентам о культурных, утонченных японцах, которые в разные сезоны выезжают на природу – любоваться то цветущей сакурой, то летним звездным небом, то осенью хризантемами. Но ведь и нас родители приучали к тому же! Писатели целыми компаниями – Шамякины, Макаенки, Кулаковские, Василевские – выезжали весной – смотреть разливы рек, в основном Березины и Немана, собирать вербу, подснежники и другие цветы; осенью – по грибы и клюкву. Но скорее – «на костер». В 1950-е годы еще не были распространены шашлыки (началось поветрие с 1960-х), а жарили на кострах в основном сало и пекли картошку. И это доставляло огромное удовольствие и детям, и взрослым.

Карповы обязательно делали для Люды миниатюрные садики – чем не японский бонкэй! – на подносе во мху грибки, веточки брусники, красивые листочки, камешки. Так формировали у дочери художественный вкус и любовь к природе.

Замечу, что ездили-то на собственных машинах – они были только у элиты. Но

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
дороги – ужасные. В 1950-е годы готово было довольно узкое тогда шоссе «Брест–Москва». Все остальные дороги – неизбежное впечатление детства – всегда в бесконечных объездах, они только строились. На сельских и лесных грунтовых, когда мы ездили к папиным родителям, вообще «сидели» в грязи часами, ожидая проезжавшего грузовика, чтобы вытянул. Тем не менее ездили часто. Всегда на курорты – на своих машинах. В Одессу Шамякин поехал, еще не умея водить. В Крым, в Прибалтику – считалось нормой.

Хотя отцу-водителю было сложно, а мы доезжали от Юрмалы до Минска за один день, но зато дети имели возможность многое посмотреть. Так, по дороге из Одессы Олейники повезли белорусских гостей в Умань, в знаменитый парк Софиевка, основанный графом Потоцким. Парк не был еще полностью восстановлен после войны, но все равно производил огромное впечатление. Еще запомнился на Украине высоченный курган, сплошь насыпанный, словно бога-тыри постарались, из огромных валунов – видимо, это был остаток Змиевых валов, о происхождении которых и сегодня спорят ученые. Сохранился ли ныне тот курган, ведь камни сегодня нувориши широко используют при строительстве своих дворцов?

У нас в Беларуси тоже было что посмотреть даже тогда. В начале 1960-х годов Шамякины, Карповы и Ходкевичи, уже не на «Победах», а на «Волгах», как-то отправились на Брестчину. В то время на машинах еще пускали в Бело-вежскую пушу, и мы там даже ночевали, постоянно опасаясь нападения зубров. Но видели их только в вольере рядом с музеем пуши. Кстати, мой отец всю жизнь дружил с директором Беловежской пуши, а впоследствии заместителем министра лесного хозяйства, Владимиром Романовым, тоже ветераном Великой Отечественной войны.

Осмотрели мы тогда и Брестскую крепость, где еще не создали скульптур-ный комплекс; и лазили на верх Белой вежи. Но, конечно же, туристических объектов, бережно отреставрированных, культурно обустроенных, как сегодня, тогда еще Беларусь практически не имела: недавно кончилась война, многие здания – в руинах, денег на все не хватало. Хотя вокруг Ленинграда, скажем, дворцы в пригородах – Петергофе, Ломоносове, Павловске – стали восстанав-ливать после войны, и заняло это несколько десятков лет. Стоило бы помнить, что начинали – сразу после освобождения страны. Это меня всегда поражало: казалось – до того ли?

Приученные к путешествиям, сначала на машинах, мы в отрочестве и юно-сти стали пешими туристами. Например, пешком ходили на Нарочь и обошли озеро вокруг. О маршрутах вокруг Минского моря и говорить нечего. Среди моих коллег-преподавателей были такие завзятые туристки, что однажды две из них за лето пешком дошли до Волгограда!

Существовали пешие походы выходного дня. Отдыхая на курортах, мы никогда не валялись на пляжах среди развязной московской публики, а всегда обходили окрестности или ездили на экскурсии.

Кроме туризма были в советское время и другие виды отдыха. Шамякину нигде так хорошо не работалось и не отдыхалось, как в Терюхе. Он писал всегда только до обеда. А после – поездки на машине в лес по грибы и ягоды, на Сож и в Луга, регулярно – в Гомель, Чернигов и Киев. К нам в Терюху очень часто приезжали гости – коллеги-писатели: русские, ехавшие из Ленинграда отдыхать в Одессу и Крым, и украинские – те путешествовали в Прибалтику, в Ленинград и Москву. Особенно часто заезжали именно украинцы – шумные, говорливые, остроумные. Степан Олейник, удивительно похожий на Тараса Бульбу, очень любил нашу семью, приезжал в Терюху с женой и приемной дочерью Олесей именно в гости, а не как-то проездом.

В Терюхе для гостей устраивались рыбалки на Соже и на его старицах с уди-вительными славянскими названиями – Казара, Качье; походы в тогда достаточ-но дремучие леса. Шамякины любили «угощать» и экзотикой: возили на одно из озер, где рос, думаю, доледниковый реликт – водяной орех чилим: плоды у него черные, колючие, а вареные вкусом похожи на пищевые каштаны.

Белорусские писатели, ездившие на южные курорты, тоже обязательно ночевали в Терюхе. Некоторые просто, как и Олейники, приезжали пожить – Андрей Макаенок, Алексей Кулаковский, Владимир Карпов – почти всегда с семьями.

Все молодые, веселые, шуточные. Помню постоянные розыгрыши, подначки, явную страсть некоторых литераторов к авантюрам. Никаких телевизоров тогда в

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
деревне не водилось, и как же без них красиво и интересно жили!

Размещались на чердаке, всегда наполненном сеном, или спали в машинах. Никто не обращал внимания на отсутствие привычного комфорта. Жили радостно и приязненно – к природе, деревенским людям, друзьям...

Особенно часто заезжал Андрей Макаенок, родина которого недалеко – на Рогачевщине, и с ним обычно ездили на Сож. Родители обязательно брали меня, Лину и брата. Незабываемые там пейзажи: необъятные луга и дубравы около извиистой – не могучей, но достаточно полноводной и широкой – реки, по которой скоро стали ходить из Гомеля в Киев «Ракеты». Довольно часто выбирались на живописные старицы Сожа.

Папины знакомые лесники пропускали его с гостями в такие глухие места, куда в то время ездить запрещалось, – видимо, таились в густых борах какие-то военные объекты. Сегодня, знаю, там сплошные туристические базы и Дома отдыха. Тогда – укромные уголки, а в старицах – полно рыбы. Шамякин и Макаенок пристрастились аристократично ловить на спиннинги – им почему-то не очень везло, но охоты не отбивало.

В головах молодых Ивана Петровича и Андрея Егоровича постоянно возникали какие-то авантурные прожекты. С большим энтузиазмом они каждое лето обсуждали будущий пеший поход по Беларуси. Все ж таки в молодости Шамякина не покидала жажда передвижения – при всей его любви к оседлости, домашней уютности (притом скромной). Над планами писателей их жены только усмехались. И правда: друзья активно собирались тридцать лет, но так и не отважились отправиться в дорогу.

Уже в 1990-е годы я знала молодую пару – журналистов, которые пешком обошли Беларусь по диагонали и по периметру, не раз совершали паломничество в Полоцк. Когда-то паломничество было нормой. Мой глубоко верующий прадед каждое лето ходил, еще до революции, из Терюхи в киевскую Лавру. Может, потому и нас, его потомков, что-то звало в путешествия, а в Киев тянуло буквально ежегодно. Меня – еще посозерцать, не в паломничество, мою дочь Машу – уже именно с этой целью.

О посещении элитой церковей по зову сердца в советское время речь, конечно, не шла. Наслаждались как художественными объектами. Но к природе отношение оказалось именно благоговейным. Многие писатели, художники, партийные работники были в то время рыбаками и охотниками. Я знала и страстных при-верженцев «третьей охоты» – заядлых грибников. Среди хорошо мне знако-мых – Олег Лойко, Иван Науменко. Интересно, что кто-то свое увлечение смог передать детям, кто-то – нет. Но вообще бродить по лесу, находя в этом наилуч-ший отдых, любили очень многие.

Бывших деревенских парней и девчат тянуло к земле, к сельской идиллии. Именно потому они завели дачи под Минском. Как правило, все они сами выса-живали плодовые деревья и кустарники, и в садоводстве находили радость. Отец запрещал вырубать совершенно выродившиеся яблони – считал живыми.

Художники больше стремились к оригинальному оформлению домов, дач, например, народная художница Беларуси Нелли Счастливая, семья Ларисы Мележ и Бориса Семилетова, наших соседей по даче. Они постоянно находились в поис-ке необычных решений, деталей. Все это было, однако, принципиально не то, что проявилось позже, во время бума строительства коттеджей и особняков в 1990-е годы у представителей разной торговой и прочей мафии. Именно мафии, потому что за трудовые деньги трехэтажный особняк с бассейнами и теннисными кор-тами не построишь. Достаточно сравнить дачи настоящей элиты, которая имела при социализме большие гонорары, и нынешние дворцы.

На самом деле в этих виллах и окружавших их садах все стандартное, покуп-ное, пошловатое – типа гномиков у бассейнов. А у художников – собственные творческие находки. Среди них назову альпийские горки, которые у Мележей каждый год получают разные и гораздо лучше, чем у более богатых соседей с их садовниками и дворниками. У Нелли Счастливой (вообще-то на даче их жили четверо сестер и брат Коля) вспоминаю занавеску на веранде из камешков – куриных богов. И удивительные вязаные Татьяной Счастливой вещи. Жаль, что сегодня мало кто стремится к такому художественному самовыражению, а ведь именно теперь появились и аксессуары, и цветы, саженцы редких деревьев. Правда, моя племянница стала очень хорошим

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
мастером почвейка.

Нужно воздать должное и советской власти, давшей, пусть и небольшие – по шесть соток, но собственные наделы земли очень и очень многим труженикам. Нигде за рубежом такого явления не было. Иностранцы гости нам открыто, не зная о муках строительства, завидовали. Нынешнее появление большого количества строительных материалов не может не радовать, в советское время на них был дефицит.

Однако из всех видов отдыха самым важным было для элитариев постоянное общение друг с другом – вот именно «роскошь человеческого общения». На примере «писательского» дома по ул. К. Маркса, 36 это особенно показательно.

Постоянно ходить в гости к соседям – в порядке вещей, просто жизненная необходимость. У нас гости не переводились, потому что жена Шамякина – исключительно гостеприимна. У меня осталось впечатление от времени 1950–1960-х годов: мама на стол постоянно подает и убирает, подает – убирает. Но даже без постоянного вечернего стола захаживали коллеги-писатели пого-ворить о делах Союза писателей и журналов, о книжных новинках – ведь все книгочеи.

Но особенно часты разговоры о политике. Друзья – Макаенок, Шамякин, Кулаковский, Василевский – вообще говорили очень откровенно, доверяя друг другу. Я невольно через стенку слушала. Еще когда мои однокашники, друзья о политике понятия не имели, я ею буквально пропиталась.

XX съезд КПСС и доклад Н. С. Хрущева «О культе личности» обсуждались чрезвычайно горячо и долго. Были сторонники и противники обоих – Сталина и Хрущева, каждому из литераторов оказалось что вспомнить. Впрочем, родные наши и папиных друзей пострадали мало – они ведь были крестьяне, а от репрессий гибла партийная и творческая элита. Все единодушно утверждали, что в 1937 году и позже они, шестнадцати-семнадцатилетние, о репрессиях понятия не имели, даже жившие в городах.

Однажды один из наших пожилых гостей-писателей, не помню кто – он вскоре и умер, рассказывал об обстановке в Минске в 1937 году: работники высоких учреждений, не дожидаясь арестов, выбрасывались из окон, стрелялись, травились. В результате властная элита поменялась почти на 100 %. Кстати, в Минске в 1930-е годы велось делопроизводство, существовали школы и выходили издания на четырех официальных языках: белорусском, русском, польском и еврейском.

Однажды зимой мама меня послала разыскивать отца: работа в Союзе писателей давно закончилась, а его все нет и нет. Оказывается, его четыре часа держали на морозе Алесь Кучер, объясняя, почему в 1937 году он не мог не писать доносы. По своей всегдашней деликатности Шамякин, хотя мерз, не прерывал наболевшую исповедь своего старшего коллеги.

Нынешний известный русский исследователь времен сталинизма Юрий Жуков, который глубоко изучил архивы, утверждает, что за каждым «делом» репрессированного – как минимум два доноса на него.

В середине 1950-х годов из Сибири вернулись Владимир Дубовка (он часто приезжал в Минск из Москвы, и я его хорошо помню), Сергей Граховский, Ян Скрыган, Федор Кулешов. Нашим соседом в доме по ул. К. Маркса стал Ян Скрыган, с младшей дочерью которого Галей я дружила. Ян Скрыган (вот уж кто – настоящий интеллигент!) довольно откровенно рассказывал Шамякину о своей жизни – рассказывал то, что мы не читали в «Архипелаге ГУЛАГе» А. Солженицына, да и вообще нигде не читали – ни тогда, ни теперь. Многие украинские писатели, в свою очередь, вспоминали о кровавой деятельности Н. С. Хрущева, первого секретаря ЦК, на Украине в 1930-е годы, а московские – о его же призывах к репрессиям в Москве. Почему мне их рассказы запомнились так хорошо, но оказались отвергнуты Шамякиным?

Многие произведения И. Шамякина 1950–1960-х годов написаны в русле доклада Н. С. Хрущева. Он вообще к нему относился лучше, чем к Л. И. Брежневу, и тем более – к М. С. Горбачеву и Б. Н. Ельцину. И хотя я в 1990-е годы и в начале «нулевых» приносила отцу книги ученых, в том числе иностранных, с аргументированными разоблачениями доклада Хрущева по всем его более чем 60 пунктам, отец остался при своем мнении. Скорее всего, ему так глубоко в

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
душу запала исключительная атмосфера 1950–1960-х годов, что он на всю жизнь связал ее с именем Хрущева.

Да, атмосфера 1950–1960-х годов была удивительная, и для меня тоже это – наилучшее в жизни время. «Физики» и «лирики», вечера поэзии в Поли-техническом музее, журнал «Юность», песни Булата Окуджавы, романтика «Алых парусов», туристических походов и открытия новых земель. Недаром же мои брат и муж стали геологами, вечными бродягами.

У нас, детей интеллигенции, приученным к чтению, – еще были и много-кратно перечитанные собрания сочинений Майн Рида, Фенимора Купера и Жюль Верна, «Библиотека приключений», «Библиотека фантастики», постоянные подписки на научно-популярные журналы: «Наука и жизнь», «Вокруг света», «Знание – сила», «Техника – молодежи», «Юный натуралист», «Юный тех-ник». Жили в постоянном поиске, в мечтах, в стремлении ко все более дальним горизонтам.

Но только назвать стоило бы ту среду и дух времени не «оттепелью» (это слякоть, хмурое небо, грипп), а как-то иначе, учитывая, кстати, при всей обая-тельной для элиты атмосфере, ухудшение общего состояния общества. Вернее, все, как и сегодня, состояло из парадоксов, невообразимых противоречий и пере-плетений добра-зла.

При всех заслугах Хрущева в даровании некоторых свобод все же больше тогда, как мне кажется, действовала инерция Победы, волна послевоенного вос-становительного энтузиазма, которая затухала не сразу, постепенно. И наше поко-ление имело счастье ее застать. А на самом деле, как я показала раньше, вспоми-ная детали, жизнь в 1960-е годы значительно примитивизировалась. Достаточно вспомнить похвалу никиты Сергеевича показать по телевизору «последнего попа», взрывы церквей в центре Минска, закрытие в 1961 году Киево-Печер-ской лавры. Н. С. Хрущев фактически осуществил экономическую и духовную контрреволюцию, но никто этого не заметил среди либеральных, постоянно зву-чащих побрякушек, общей, что правда, динамики в творческо-художественных процессах – бардовских песнях, повестях Василия Аксенова, многих отличных комедиях и прочего, так притягательного для нас тогда.

Все же полагаю, что мой отец под конец жизни не застыл в своем мнении, а не знал, как в случае с НЛО, что думать. Вот именно не знал, что думать. Это его и погубило: подсознание дало установку на самоуничтожение. Ведь неиз-вестно, какая предсмертная болезнь унесла Шамякина – при том, что в полном разуме он оставался до конца.

Как драматично принимал Шамякин новую реальность и оценивал про-шлое, свидетельствуют его дневники последних лет жизни. А тогда, в 1950– 1960-х годах, ничто не предвещало будущего краха державы, которую большая часть элиты полагала родной. Однако писатели, конечно же, знали намного больше, чем публиковалось в официальных изданиях. Например, Андрей Его-рович Макаенок, который общался со многими московскими драматургами, режиссерами и артистами, говорил мне о существовании за рубежом двухсот научно-исследовательских институтов по изучению национальной психологии народов СССР – вплоть до добывания этими институтами стенных газет раз-ных учреждений и предприятий. В тех же специфических зарубежных орга-низациях – специальные отделы по придумыванию анекдотов для наивных советских людей.

Естественно, я в душе по-юношески ничему этому не верила, считая, что взрослые находятся в плену у советской пропаганды. Но в 1990-е годы про-читала о том же у многих солидных, в том числе зарубежных, авторов. Потому сегодня, познакомившись с некоторыми белорусскими якобы юмористическими журнальчиками, сплошь заполненными мерзкими анекдотами про дурных жен и врагинь тещ, я думаю об общей установке, данной понятно откуда, – уничто-жению института семьи, родительства, романтической любви, всех привычных для человека ценностей. Ведь отрицать исчезновение и деградацию их в нашей реальности уже невозможно. Но только читатели анекдотов не всегда понимают, что даже в юморе идет работа на некую определенную задачу.

А про плен советской пропаганды я рассуждала тогда напрасно. Отец и его друзья мыслили очень критично и ответственно. Многие их прозрения подтвер-дились через двадцать лет. Не предвидели они только одного – ликвидации СССР. Хотя военный конфликт допускали. Видели опускание культуры и морали. И если в отношении Сталина и Хрущева их мнения разделились, то в

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
1964 году, после свержения Хрущева и установления власти Л. И. Брежнева, они оказались единодушны в убеждении, ставленником каких сил он был. И все 18 лет правления Брежнева с этой мыслью и прожили.

Действительно, уже при Брежневе диссидентура реально определилась. Она делилась как бы на две части: высшие обслуживали властную элиту, являясь помощниками, советниками, спичрайтерами Генсека и членов Политбюро. Лео-нид Ильич снисходительно-добродушно называл их – «мои социал-демократы», то есть видел их нутро, но нюансов, конечно же, не улавливал. Вторая часть – в основном творческая интеллигенция. Иногда Председатель КГБ Юрий Влади-мирович Андропов высылал творцов за границу – вовсе не в наказание, а чтобы сохранить, дать известность как гонимым, мученикам, подчеркнуть их якобы значимость.

О диссидентах пишет, правда, уже в наши дни, известный кинорежиссер и актер Никита Михалков: «Я уважаю людей, которые высказывают свою точку зрения, но принципиально не приемлю диссидентства. Потому что, как правило, это борьба не с чем-то конкретным, что мешает жить, а борьба вообще. Борьба с тем, что являет собой принцип власти и силы. Диссидентство – это отрицание. А мне неинтересно ни говорить, ни делать то, что я не люблю. Неинтересно говорить, как я не люблю Ленина. Мне интересней рассказывать, как я люблю Обломова. И вообще объединение людей вокруг «нет» опустошительно. Только те, которые объединяются вокруг «да», могут что-то создать. Меня интересует возможность созидать. <...> Мне объясняют, что интеллигенция всегда была в оппозиции к власти. А почему это должно быть так? <...> Если я верю, что решения власти вызваны искренним желанием сделать стране лучше, я готов ее понять и вместе с ней нести все тяготы». Именно так ощущали себя белорусские интеллигенты, но... до определенного момента. Именно до того момента, когда увидели окружение Л. И. Брежнева.

Я не раз писала о временах Л. И. Брежнева, которые многие мои сверстники вспоминают как золотой век социализма. Я отмечала, что этот период можно рассматривать либо в качестве передышки между невероятно сложными мобили-зационными сталинскими годами и хаосом «перестройки», либо как постепенное омещанивание народа и деградацию советского проекта, прежде всего из-за пре-дательства элиты.

В самом деле, можно подходить ко времени правления Л. И. Брежнева по-разному. Как и к любому времени. В каждом – в каждой эпохе, десятилетии, годе, даже дне – есть и хорошее, и плохое, и парадоксальное, и абсурдное, нево-образимое – с точки зрения наших потомков.

Я очень многое с энтузиазмом принимаю в нашем времени. Почему бы нет? Ведь я – из 1960-х годов, времени НТР – научно-технической революции. Мы страстно увлекались фантастикой, горячо интересовались научными и техниче-скими достижениями. Очень многие прорывные идеи того времени, пропаганди-руемые в так любимых мною до сих пор научно-популярных журналах, реализо-ваны именно сейчас, а многое и до сих пор не осуществлено.

Эх, те бы милые, сердечные, дружеские отношения между людьми да соеди-нить с нынешними техническими достижениями, о которых мы так мечтали! Можно ли не любить сегодняшнее время, когда в нем сбываются мечты юности! Но, как говорится, какой ценой?! Многие душа не принимает. Может, это пока, – надо надеяться, что от удивительных изобретений мир и правда станет лучше, как мечтали советские фантасты? Просто люди в растерянности. Мы сразу получи-ли слишком много и не сообразили, как этим пользоваться. Стоило бы изучить мечты тогдашних молодых, чтобы лучше оценить сегодняшнее.

Помнить историю нужно и по другой причине. Вспоминая, я даже сама удивляюсь, насколько глубоко мы носим в себе минувшее: прошлое определяет нас, людей XXI века, – буквально все в нас! Моя любовь к деревне – от детства в Терюхе; мои курсы лекций и публикации по истории мировой культуры – от хождения по музеям и путешествиям в отрочестве; библиофильство, корпора-тивный дух – от общей атмосферы «писательского» дома; подписка, до сих пор, на двадцать изданий ежемесячно – от традиции семьи; любовь ко всему необычному и загадочному (даже докторскую диссертацию защитила о самом загадочном в филологии – о мифе) – от любимых книг в подростковом воз-расте. И что бы ни взять – проросло из прошлого. Время хотя и течет, но в человеке – остается.

Так и в обществе: наше ближайшее прошлое, как бы это кому ни было про-тивно, – советское. Мы из него вышли, выросли, видим ежедневно вокруг. А свое прошлое, чтобы понимать себя нынешних, нужно знать.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,

Как жила элита при социализме. Т. И. Шамякина filosoff.org
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://retimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!